

Часть III ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕРБИИ, ЧЕРНОГОРИИ И РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТАНОВИТЬ КАТАСТРОФУ?

А. С. Ходунов

Данный раздел рассматривает демографическую динамику Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Демографическое развитие этих стран и территорий в настоящее время отличается очень быстрым нарастанием неблагоприятных демографических тенденций, таких как ускоренное снижение рождаемости, которая давно уже находится ниже уровня, необходимого для замещения поколений, а также быстрое старение населения. В результате с начала рассматриваемого периода наблюдается значительная убыль населения, которая выходит на уровень, угрожающий выживанию сербского народа. Особенно тяжелая ситуация наблюдается в Сербии. Если ничего не предпринять, ее население сократится на 30 % уже через 25 лет.

В настоящее время основное внимание демографов привлечено к весьма актуальным проблемам сокращения и быстрого старения населения в России, странах Западной Европы и Восточной Азии, а также очень острой проблеме особо быстрого роста численности населения (и молодежи) в некоторых государствах Ближнего Востока и в Тропической Африке. А вот по демографическим процессам сербов и черногорцев на современном этапе существует не так много исследований, в отечественной демографии исследованию демографической динамики на Балканах вообще и в сербских районах в частности уделяется крайне мало внимания. Представляется, что в связи с особо тревожной и катастрофической динамикой

сербское население нуждается в неменьшем внимании специалистов, чем упомянутые регионы, прежде всего потому, что сербы в последние десятилетия отличаются крайне неблагоприятной демографической динамикой по сравнению не только с соседними народами Балкан, но и с подавляющим большинством народов мира.

Данная статья призвана в какой-то степени восполнить этот пробел. В ней рассматривается анализ динамики сербского и черногорского населения на Балканах в конце XX – начале XXI в. Проанализирована демографическая динамика на территориях с сербским и черногорским¹ большинством: Сербия (без Косово, поскольку там подавляющее большинство составляют албанцы), Черногория, где относительное большинство составляют черногорцы, и Республика Сербская, которая возникла в 1995 г. как образование («энтитет») в составе Боснии и Герцеговины, но согласно Дейтонским соглашениям 1995 г. фактически представляет собой суверенное государство в составе конфедерации Босния и Герцеговина с собственной судебной властью, президентом, парламентом, правительством из 16 министерств, полицией и даже армией² (Заяц, Кошелева 2010). В этих трех странах после 1995 г. сконцентрировались практически все сербы, проживающие на Балканах.

Все же в мире к началу 2010-х гг., по некоторым оценкам, проживало около 11 млн сербов. Из них, по данным последних переписей или исчислений, 5,988 млн проживали в Сербии, 1,101 млн в Боснии и Герцеговине (почти все – в Республике Сербской), 186,6 тыс. в Хорватии, 178,6 тыс. в Черногории, 70,6 тыс. в Словении, около 40 тыс. в Македонии. За пределами Балкан живет около 30 % сербов, больше всего их в Западной Европе и Северной Америке: в США – 650 тыс., в Германии – 450 тыс., в Австрии –

¹ Стоит подчеркнуть, что между сербами и черногорцами реально нет абсолютно никаких различий по языку, религии и этническому происхождению. Однако существуют радикальные разногласия политической природы. Черногорцы, ощущая себя отдельным народом и гордясь тем, что их предки сумели отстоять свою свободу в то время, когда Сербия была в составе Османской империи, хотят сохранить независимость Черногории от Сербии с помощью союза с Западом и в основном поддерживают нынешнюю власть в ее стремлении войти в ЕС и НАТО. А черногорские сербы – резко против евроатлантической интеграции (News Front 2016). В данной работе сербы и черногорцы ввиду их особой близости часто будут учитываться вместе.

² Армия Республики Сербской ликвидирована 1 января 2006 г. вопреки Дейтонским соглашениям (Савићević 2013).

300 тыс., в Швейцарии – 195,9 тыс., в Канаде – 180 тыс., во Франции – 70–100 тыс., в Австралии – 98 тыс., в Великобритании – 80 тыс. (Вечерње Новости 2016). Для черногорцев не удалось найти даже приблизительных данных по численности их диаспоры, но известно, что самое большое их число проживает, по переписям 2011 г., в Черногории – 278,9 тыс. – и Сербии – 38,6 тыс., или 0,54 %, в том числе в автономной области Воеводина – 22,1 тыс. (Макроекономија 2013).

Для более глубокого понимания демографических процессов нужно знать и более раннюю демографическую историю, однако в рамках настоящего раздела подробно рассказать о ней не представляется возможным. В самых общих чертах можно только сказать, что в социалистической Югославии, в том числе у сербов и черногорцев, с начала 1950-х гг. стремительно снижалась смертность, особенно младенческая и детская, и так же стремительно падала и рождаемость, которая уже в 1970 г. снизилась до уровня простого воспроизводства – 2,3 ребенка на женщину. Самые образованные слои населения отличались особо низкой рождаемостью. Грамотность у молодежи и людей среднего возраста стала почти всеобщей, причем наблюдался и очень быстрый рост числа людей с высшим образованием (Demographic... 1974). Средняя продолжительность жизни к середине 1980-х гг. резко выросла, и стране по этому показателю удалось опередить ряд государств Восточной Европы, в том числе СССР (Ananijevic-Pandey 1994).

Начало 1990-х гг. после 46 лет мира и успешного развития принесло хаос и ужас в регион. Кровавый распад Югославии и войны 1991–1995 гг., среди которых по особенно большому числу жертв и разрушений выделялась Боснийская война 1992–1995 гг., жесткие санкции международного сообщества против Сербии, беспрецедентно большое количество беженцев – вот в какой тяжелой обстановке происходило демографическое развитие народов некогда процветающей страны, в том числе и сербского. Перед ними стояла задача элементарного выживания. Все это не могло не отразиться на рождаемости и смертности. Подробно рассказать о войнах и экономических санкциях 1990-х гг., их влиянии на демографическую динамику в этом разделе также нет возможности.

Здесь можно лишь упомянуть, что, несмотря на высокую интенсивность военных действий в 1990-х гг., безвозвратные потери среди сербов оказались на порядок ниже, чем в предыдущих войнах. Число убитых хорватских сербов оценено в 7,1 тыс., в том числе 2,65 тыс. гражданских лиц (Štrbac 2014), а убитых боснийских сербов – 22,8 тыс., из которых 7,5 тыс. – гражданские лица (Zwierzchowski, Tabeau 2010).

Для сравнения: в Первой мировой войне Сербия была буквально опустошена. Без Воеводины, но включая Македонию, где сербов почти не было, прямые потери составили 1,247 млн, включая 402 тыс. военных – исключительно высокие 57 % от общего числа мобилизованных мужчин, и 845 тыс. гражданских лиц, из которых 540 тыс. умерли от голода и эпидемий. Всего погибло 28 % довоенного населения, по сравнению с 8–10 % в наиболее пострадавших от войны европейских странах (Radivojević, Penev 2014).

По Второй мировой войне данные резко расходятся. Хорватский демограф В. Жерьявич оценил число сербов, убитых или умерших от голода и эпидемий, в 530 тыс. (по его данным, не более 112 тыс. убитых составили жертвы геноцида хорватов-усташей), а черногорцев – 20 тыс. На территории Сербии потери оказались равны 273 тыс. (в том числе 23 тыс. в Косово), а в Черногории – 37 тыс.; в том числе гражданских лиц соответственно 146 тыс. и 15 тыс. человек (Zerjavić 1992). По максимальным оценкам сербских исследователей, истинные размеры геноцида усташей были в несколько раз больше – как минимум 700 тыс., а общее число смертей сербов, которые не произошли бы в мирных условиях, равно 1,607 млн, или 16 %, что снова превышает процент жертв в европейских странах и даже СССР, где он был равен 13 % (Ђорђевић 1999).

Как видим, потери в этих войнах у сербов оказались беспрецедентно большими для европейских стран XX в. По всей видимости, это во многом связано с исключительно важным геополитическим положением сербских территорий: контроль над Сербией позволяет контролировать все Балканы. Поэтому европейские страны-агрессоры (в 1914 г. Австро-Венгрия, а в 1941 г. нацистская Германия), стремясь расширить свою власть в Европе, решили овладеть Сербией и оккупировали населенные сербами территории, в том

числе используя для этой цели агрессивные настроенные элементы соседних сербам народов, которые в таких условиях получили свободу физически уничтожать мирное сербское население. Хаос и развал государства приводили к массовому голоду и эпидемиям.

Число жертв в 1990-х гг. оказалось на порядок ниже. В первую очередь потому, что на территории Сербии и Черногории, где проживало около 80 % всех сербов, вообще не велись военные действия, в отличие от Второй и особенно Первой мировой войны, в которой именно Сербия понесла исключительно большие потери. Другая важная причина: в эти войны на стороне несербов не вмешивались войска европейских государств. Поэтому более сильные армии хорватских и боснийских сербов смогли быстро одержать верх над войсками хорватов и боснийских мусульман и установить контроль почти над всеми территориями с сербским большинством, в отличие от ситуации во Второй мировой войне, когда югославскую армию быстро разбили немецкие войска и беззащитное невооруженное сербское население Хорватии и Боснии подверглось беспощадному массовому террору хорошо вооруженных хорватских нацистов-ушастей. Немаловажно и то, что в 1990-е гг. из Хорватии, Западной Боснии и Косово почти все сербское население, опасаясь повторения геноцида 1940-х гг., бежало либо в начале войны, либо, как в Хорватии в августе 1995 г., сразу же после начала наступления войск противника. Власти Сербии успешно организовали размещение всех этих беженцев в частных или государственных домах, тем самым ликвидировав опасность эпидемий. Кроме того, удалось избежать гражданской войны между самими сербами, в отличие от 1941–1945 гг., когда четники (сторонники югославского короля) вели кровопролитную войну с партизанами (коммунистами [Гуськова 2000]).

В 1990-х гг. серьезно обострилась проблема Косово. Албанцы отказались признавать сербскую власть, бойкотировали последнюю югославскую перепись 1991 г., в том же году провели референдум о независимости, а в 1992 г. на незаконных выборах избрали президента и парламент, даже создали свою параллельную систему здравоохранения и образования. В 1998 г. активизировалась Освободительная армия Косово (ОАК), и ситуация вышла на уровень гражданской войны. Боевики убивали и изгоняли сербов,

нападали на сербских полицейских. В ответ сербская власть приняла суровые меры, введя в край армию и полицию. Но вскоре после разгрома ОАК в октябре 1998 г. последовало обвинение со стороны НАТО в геноциде сербской армией и полицией мирных албанцев и был поставлен ультиматум, означавший фактическую потерю контроля над Косово и ввод туда войск НАТО. После отказа его принять 24 марта 1999 г. начались бомбардировки НАТО, которые продолжались 78 дней (Гуськова 2011).

Причем огромный ущерб был нанесен гражданским объектам: полностью или частично были разрушены многие электростанции, около 200 промышленных предприятий, 365 памятников культуры, 422 школы и университетских здания, 82 моста для транспорта, и 48 больниц. Бомбовым ударам подвергались нефтехранилища и предприятия нефтепереработки, что привело к экологической катастрофе, загрязнению воздуха и воды в реках, грунтовых вод, плодородных почв, а это вызвало угрозу жизни и здоровью населения. Так, в пригороде Белграда Панчево загрязнение воздуха несколько дней в 5 раз превышало предельно допустимое значение. Общий экономический ущерб оценивается в 100 млрд долларов. Сами военные НАТО бомбили с огромной высоты в полной безопасности (Судо 2000), так что люди не могли увидеть их самолеты и вовремя спастись. Разрушено было и 40 тыс. жилых домов (РИА Новости 2009). Столь масштабное уничтожение природного и экономического потенциала страны заставляет сомневаться в истинных целях бомбардировок.

По официальным сербским данным, погибли 1 тыс. военных и полицейских. Больше всего пострадали обычные граждане, которых погибло около 2,5 тыс., из них 89 детей. Ранено было 12,5 тыс. человек (Vogović 2009). Вот один яркий пример, показывающий, как выглядела операция НАТО «на уровне почвы». В результате бомбардировок небольшого моста в 20-тысячном городе Варварин (ни мост, ни город не обладали абсолютно никаким военным и промышленным значением) в праздничный воскресный день, когда вблизи моста собрались несколько тысяч жителей города, были тяжело ранены 17 человек, а погибли 15, в том числе 15-летняя Саня Миленкович, математический гений, лучшая ученица в истории своей школы, неоднократный призер Всеюгославской олимпиады

по математике. Саня и две ее подруги, которые выжили, но остались инвалидами, были убеждены, что НАТО не тронет их маленький город (Гаврилов 2009).

В июне 1999 г. после окончания бомбардировок Югославия была вынуждена вывести свои войска из Косово, и террор радикально настроенных албанцев резко усилился (Судо 2000). Большинство оставшихся к тому времени сербов (около 226 тыс. вместе с 61 тыс. неалбанцев) бежало в Сербию (Helsinki... 2004). Прямые потери от албанского терроризма в 1990-х гг. составили 3,6 тыс. по далеко не полным данным (Врућинић 2007).

Одновременно в условиях экономического хаоса резко выросла эмиграция из страны. Согласно анкетированию, проведенному Институтом социологических исследований философского факультета Белградского университета, к 1999 г. около 5 % всего населения уехали из страны на долгий срок или навсегда (по сравнению с 3,9 % в 1981–1991 гг.). 63 % мигрантов было младше 35 лет, а 48 % имело высшее образование. Такая массовая миграция связана с резким снижением уровня жизни. В 1999 г. 45 % респондентов выбрало ответ, что их уровень жизни очень понизился за предшествующие годы, и только 7 % почувствовали его значительное повышение. Сербь эмигрировали преимущественно в Западную Европу, а также в Северную Америку и Австралию (Болчич 2005). Эмиграция главным образом молодых и высокообразованных граждан только обострила социально-экономические и демографические проблемы страны.

Демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в 1991–2015 гг.

Сербия. Начнем наше рассмотрение с населения Сербии. Там проживает основная масса балканских сербов, поэтому демографическая динамика Сербии определяет динамику всего сербского народа. Следует сказать, что если посмотреть на долгосрочную демографическую динамику этой страны, то складывается впечатление, что она будет даже в долгосрочной перспективе достаточно благополучной. Ведь по среднему прогнозу ООН ее население сократится с 9,86 млн в 2007 г. до 9,64 млн к 2050 г., или всего на 2 %, тогда как в большинстве восточноевропейских стран – на абсолютно ка-

тастрофические 20–35 % (Коротаев, Халтурина 2009). Но нужно четко понимать, что этот прогноз вводит в заблуждение, поскольку объединяет динамику двух демографически противоположных частей населения, образно говоря, двух разных миров. Численность жителей сербского автономного края Косово (92 % – албанцы) растет в среднем за год на 1 %, суммарный коэффициент рождаемости у них оценен в 2,0, но он, возможно, был несколько выше из-за недоучета (в 2003 г. он был равен 3,0), доля детей до 15 лет у них 28 %, молодежи до 30 лет – 56 %, а пожилых (старше 65) – всего 7 % (Statistical... 2011). Молодые и быстро растущие в численности косовские албанцы, составляющие заметную часть населения Сербии, с демографической точки зрения – совершенно другой мир по сравнению с быстро стареющим и вымирающим сербским населением. А значит, быстрый рост у албанцев гасит столь же быстрое вымирание сербов и не дает увидеть истинные масштабы демографической катастрофы сербского народа. Поэтому, исследуя демографическую динамику Сербии, надо обязательно приводить данные по Косово и по остальной Сербии отдельно. В этой работе данных по Косово приводиться не будет, поскольку эту часть территории Сербии Сербское государство не контролирует с 1999 г. и там не существует надежной статистики.

В 2002 г., в отличие от всех предыдущих переписей, не учитывались жители Сербии, работавшие за границей дольше одного года, но зато учитывались иностранные граждане, которые проживали в стране более одного года. Были переписаны и все многочисленные беженцы, вынужденные переселиться в Сербию в 1990-х гг., кроме тех, кто бежал из Косово. Перепись 2002 г. по новой методологии показала численность населения Сербии в 7498,0 тыс. человек (в 1991 г. по методологии 2002 г. в ней жили 7576,8 тыс. человек), и за эти 11 лет оно сократилось на 78,9 тыс. человек. Население Воеводины составило в 2002 г. 2014,0 тыс. (1970,2 тыс. в 1991 г.), а Центральной Сербии – 5466,0 тыс. (5606,6 тыс.). По методологии 1991 г. численность населения в 2002 г. составляла 7893,1 тыс. (в 1991 г. – 7822,8 тыс.), и в таком случае оно выросло на 70,3 тыс.; население Воеводины заметно увеличилось – с 2013,9 до 2098,8 тыс. (на 84,9 тыс.), а Центральной Сербии – сократилось незначительно – с 5808,9 тыс. до 5794,3 тыс. (на 14,6 тыс. [Репуб-

лички... 2004]). Определить истинное направление движения населения Сербии помогает динамика его естественного движения. Естественная убыль населения с 1991 по 2001 г. составила в Воеводине 81,2 тыс. человек (4,1 % от ее населения на начало 2002 г., определенного по старой методологии, а темпы убыли составляли $-3,7\%$ в среднем за 1991–2001 гг.), а в Центральной Сербии – 84 тыс. (1,5 % от населения и $-1,3\%$ в среднем за год). В целом Сербия из-за естественной убыли потеряла 165,2 тыс. человек, или $-1,9\%$ в год (Републички завод за статистику Србије 2003). Эту убыль во многом замаскировал приток беженцев, главным образом сербов по национальности. Их число составило 379,1 тыс. человек, или 5,1 % от населения Сербии по методологии 2002 г. В Центральной Сербии проживало 192,7 тыс., или 3,5 % населения, а в Воеводине – 186,5 тыс., или 9,2 %. Таким образом, хотя в Воеводине население убывало заметно быстрее Центральной Сербии, эта убыль оказалась полностью компенсирована притоком сербов из других стран бывшей Югославии. Без них в Сербии бы жило 7118,9 тыс., и население сокращалось бы очень высокими темпами – $5,7\%$ в год (Stevanović 2005). Сюда входит не только естественная убыль, но и эмиграция, которая, по расчетам автора, должна была составить $-3,8\%$ в год, или около 290 тыс. человек за межпереписной период.

Если говорить о национальном составе, то перепись 2002 г. обнаружила 2,6 % неопределившихся и тех, кто не указал национальную принадлежность (в 1991 г. таких было 0,7 %); их представляется необходимым распределить среди других национальностей в соответствии с долей тех в населении. Таким образом, число сербов, черногорцев и югославов (сербского и черногорского происхождения)³ составит 6521,1 тыс., или 87 % населения (в 1991 г. по методологии 2002 г. – 6490,1 тыс., или 85,7 %). Их прирост оказался равен 0,4 % в год. Кроме них, достаточно значительными национальностями были: венгры, проживающие в основном на севере Воеводины, – 301,1 тыс. (339,7 тыс. в 1991 г.); боснийские мусульмане, концентрирующиеся на крайнем юго-западе Центральной

³ Югославы – люди, которые национально идентифицировали себя с бывшей Югославией, а не с национальностью родителей. Было условно предположено, что доля югославов сербского и черногорского происхождения равна доле сербов и черногорцев в населении Сербии.

Сербии, – 159,8 тыс. (177,5 тыс. в 1991 г.); цыгане (в основном Центральная Сербия, но также и Воеводина) – 111 тыс. (91,7 тыс., их рост составил 1,75 % в год, это темпы, близкие к демографическому взрыву); хорваты (Воеводина) – 72,4 тыс. (94,8 тыс.), албанцы (юг Центральной Сербии к востоку от Косово) – 63,3 тыс. (73,7 тыс.) и словаки (северо-западная Воеводина) – 60,6 тыс. (65,8 тыс.). Заметное сокращение населения у албанцев и боснийских мусульман с их достаточно большим естественным приростом целиком объясняется значительной эмиграцией, которая, вероятно, наблюдалась и у других народов (рассчитано по: Пенев 2004). Также видно, что Воеводина обладает исключительно пестрым национальным составом, и поэтому доля сербов (вместе с черногорцами и югославами сербского/черногорского происхождения) в ней, особенно до событий 90-х гг., была значительно ниже, чем во всей стране: 1,31 млн, или 65 % в 1991 г. (рассчитано по: Омладина... 2016).

В 2002 г. численность сербов, черногорцев и югославов в Центральной Сербии составляла 5050,8 тыс., или 92,4 %, а в Воеводине – 1470,3 тыс., или 72,4 %. В Воеводине произошел весьма существенный рост численности доли сербов, прежде всего за счет массового притока сербских беженцев. Дети до 15 лет в 2002 г. составили во всей стране 15,8 %, а пожилые – 16,7 % (в Воеводине – 15,9 % и 15,6 %, в Центральной Сербии – 15,7 % и 17,1 %). У сербов и черногорцев процент детей и пожилых был равен 15,4 % и 16,9 %, у венгров – 13,2 % и 19,4 %, у хорватов – 9 % и 23,9 %, у словаков – 13,8 % и 18,3 %, тогда как у боснийских мусульман – 24,7 % и 8,2 %, у албанцев – 31,1 % и 7,5 %, а у цыган – 32,4 % и 4,3 % соответственно (рассчитано по: Републички завод за статистику 2003). По переписи 1991 г. детей до 15 лет в Воеводине насчитывалось 19,3 %, а в Центральной Сербии – 19,1 %, пожилых – 11,9 % и 11,6 %. Всего в Сербии без Косово было 19,2 % детей и 11,7 % пожилых и старых людей, а среди собственно сербов и черногорцев Воеводины зарегистрировано 19,2 % детей и 10,9 % пожилых (рассчитано по: Savezni... 1998).

Итак, возрастная структура за 1990-е гг. в целом по Сербии стала гораздо более «старой» (доля детей сократилась на 3,4 процентных пункта, а пожилых – выросла на целых 5 пунктов). Как видим, у многих народов возрастная структура еще более «старая»,

чем у сербов, а значит, и их вымирание идет быстрее, в то время как албанцы и цыгане (и в меньшей степени – славяне-мусульмане) по своей возрастной структуре близки к «молодым» народам Ближнего Востока, и поэтому их численность быстро растет.

Рождаемость в этот период устойчиво снижалась. В Воеводине число рождений упало с 22,9 тыс. в 1991 г. до 21,6 тыс. в 1996 г. и 18,7 тыс. в 1999 г., но к 2001 г. несколько выросло – до 20,1 тыс. В Центральной Сербии число рождений за те же годы составило 67,4 тыс., 60,9 тыс., 53,5 тыс. и 58,3 тыс. в 2001 г. Общий коэффициент рождаемости оказался равен (в целом по Сербии, в Воеводине и Центральной Сербии): в 1991 г. – 11,5 ‰, 11,4 ‰ и 11,6 ‰; в 1996 г. – 10,5 ‰, 10,7 ‰ и 10,5 ‰; в 1999 г. – 9,3 ‰, 9,4 ‰ и 9,3 ‰; в 2001 г. – 10,2 ‰, 10,2 ‰ и 10,1 ‰. Смертность тоже не стояла на месте, но, правда, менялась в противоположном направлении. Число умерших в Воеводине выросло с 26,6 тыс. в 1991 г. до 29,2 тыс. в 1996 г. и 29,3 тыс. в 1999 г., но несколько снизилось – до 28,5 тыс. – в 2001 г. В Центральной Сербии этот показатель вырос с 62,5 тыс. до 69,2 тыс., 72,2 тыс. и 70,5 тыс. Общий коэффициент смертности для Сербии, Воеводины и Центральной Сербии был равен: в 1991 г. – 11,4 ‰, 13,2 ‰ и 10,8 ‰; в 1996 г. – 12,5 ‰, 14,4 ‰ и 11,9 ‰; в 1999 г. – 13 ‰, 14,7 ‰ и 12,5 ‰; в 2001 г. – 12,8 ‰, 14,4 ‰ и 12,3 ‰. В результате естественный прирост в Сербии оказался равен: в 1991 г. – 0,1 ‰, в 1996 г. – –2 ‰, в 1999 г. – –3,7 ‰ и в 2001 г. – –2,6 ‰. Абсолютные числа убыли в Сербии стремительно выросли: с 6,6 тыс. в 1992 г. до 15,8 тыс. в 1996 г., 30,3 тыс. в 2000 г., но затем заметно снизились – до 20,6 тыс. в 2001 г. (рассчитано по: Републички завод за статистику Србије 2003). Все это значит, что в Сербии с начала 1990-х гг. возник «сербский крест»⁴, причем разница между рождаемостью и смертностью – естественная убыль населения – выросла к концу 1990-х гг. в 5 раз. В Воеводине смертность была заметно выше, чем в Центральной Сербии, очевидно, из-за заметного процента народов с очень «старой» возрастной структурой.

⁴ По аналогии с широко известным «русским крестом», тоже появившимся в начале 1990-х гг. «Крест» – в отечественной демографии неофициальный термин для депопуляции, когда вначале коэффициенты рождаемости и смертности сближаются, а затем образуется значительный и постоянно растущий перевес смертности над рождаемостью, в результате чего на графике можно видеть подобие креста.

Касаясь более точных показателей, нужно сказать, что за период до 2000 г. есть данные не только по суммарному коэффициенту рождаемости, но даже и по ее нетто-коэффициенту (истинному коэффициенту) воспроизводства населения, то есть соотношению числа матерей и числа девочек, которые доживут до возраста своих матерей, в котором они родились, при этом их уровень смертности до достижения этого возраста условно предполагается таким же, какой был зафиксирован в стране в год их рождения. Если нетто-коэффициент равен 1, то на смену матерям приходит такое же количество девочек, и воспроизводство поколений обеспечивается. В Центральной Сербии и Воеводине суммарный коэффициент рождаемости снижался с 1,67 и 1,66 в 1992 г. до 1,58 и 1,65 в 1996 г. и 1,4 и 1,43 в 1999 г., после чего несколько вырос до 1,44 и 1,44 в 2000 г. Нетто-коэффициент воспроизводства населения был равен соответственно 0,79 и 0,79 в 1992 г., 0,75 и 0,78 в 1996 г., 0,66 и 0,67 в 1999 г., 0,68 и 0,68 в 2000 г. То есть в Сербии на смену поколению матерей вместо необходимых 100 % приходило только 79 % от их числа в 1992 г., а в 2000 г. ситуация стала еще хуже – всего 68 %. Для сравнения: в Косово в 1991 г. (последний год относительно полных данных) нетто-коэффициент был равен 1,58, то есть даже значительно превышал необходимый минимум. В Воеводине самый высокий нетто-коэффициент начиная с 1950 г. наблюдался в 1950-м же году, но составлял всего 1,11, то есть весьма незначительно превышал предельный минимум, и опустился ниже этого минимума уже через 6 лет (0,99 в 1956 г.). После 1956 г. он всего 9 лет держался на отметке выше 0,9, то есть большую часть времени даже близко не подходил к нужному значению. А вот как обстояли дела в Центральной Сербии. Там в 1950 г. нетто-коэффициент был очень неплохим – 1,26, но также начал стремительно падать, опустившись ниже необходимого порога тоже в 1956 г. (0,96), после чего всего 4 года превышал 0,9, а с 1992 г. обвалился даже ниже 0,8 (Ренев 2001).

Становится очевидным, насколько глубокие корни имеет депопуляция в Сербии. Фактически она началась совсем не в 1992 г., когда стало сокращаться население, а в далеком 1956 г., когда поколение родившихся девочек перестало воспроизводить своих матерей. Но возрастная структура, достаточно «молодая» благодаря

высокой рождаемости в прошлом, долго и тщательно ее скрывала, поэтому население по инерции не сокращалось, а росло. Бесконечно так продолжаться не могло, и к 1991 г. возрастная структура настолько «постарела», что эта депопуляция вышла наружу и проявила себя открыто в виде превышения общего коэффициента смертности над общим коэффициентом рождаемости, и началось сокращение населения. Пример Сербии хорошо показывает, что нельзя судить о реальной ситуации с рождаемостью (как, впрочем, и смертностью) по общим коэффициентам. Однако они все равно очень важны, поскольку показывают, насколько быстро увеличивается (или уменьшается) численность населения. А от динамики численности населения зависят устойчивое развитие и жизнеспособность страны.

Сербия в 1990-е гг. достигла весьма значительных успехов в борьбе с младенческой смертностью: она снизилась в Воеводине с 12,3 ‰ в 1991 г. до 9,5 ‰ в 2001 г., а в Центральной Сербии – с 15,4 ‰ до 10,4 ‰ за те же годы (Републички завод за статистику Србије 2003). А вот средняя продолжительность жизни к 2001–2003 гг. выросла незначительно: у мужчин – до 70,3 года в Центральной Сербии (на 1 год по сравнению с 1990–1992 гг.) и 68,3 года в Воеводине (на 2,1 года, но всего на 1,2 года по сравнению с 1980–1982 гг.), а у женщин – еще меньше: до 75,3 года (или на 0,5 года) в Центральной Сербии и до 74,1 года в Воеводине, или всего на 0,4 года. Вероятно, сказались очень тяжелые условия жизни и войны 1990-х гг. Ведь в населении, давно завершившем демографический переход (а сербский народ его завершил еще в 1960-х гг.), даже в благополучные годы гораздо сложнее и затратнее снизить смертность взрослых, чем младенцев, не говоря уже о кризисном времени. Всего в Сербии в 2001–2003 гг. мужчины жили 69,6 года, а женщины – 75 лет (Републички... 2015б).

Достаточно большой интерес представляют данные об эмиграции. Речь идет не обо всех эмигрантах, а только об эмигрантах – гражданах Сербии или лицах с двойным гражданством. Их учет далеко не полный, но все равно дает определенную картину интенсивности эмиграции как в стране в целом, так и в отдельных областях. Процент лиц, которые пребывали или работали вне Сербии, в том числе и меньше года, в 1991 г. составлял 3,5 %, а в 2002 г. –

уже 5,3 %. Можно выделить три основные эмиграционные зоны – Центрально-Восточная Сербия, области, населенные албанцами и боснийскими мусульманами. В 1991 г. доля эмигрантов в них составила соответственно 13,9 %, 6,1 % и 2,3 %, а в 2002 г. – 18 %, 23,1 % и 12,6 %. Для сравнения: в 10 центральных общинах Белграда учтенные переписью эмигранты составили всего 5 % населения. Всего в 2002 г. среди эмигрантов, чья национальность указана, сербы составляли 69,2 % (но вне Сербии пребывало/работало только 4,1 % всех сербов), боснийские мусульмане – 7,6 % (вне Сербии находилось 26,3 %), албанцы – 5,7 % (26,2 %), цыгане – 3,9 % (12,2 %), а влахи (потомки средневековых переселенцев-румын, проживают в Центрально-Восточной Сербии) – 2,1 % (16,9 %). В первой эмиграционной зоне сербы составили 85 % эмигрантов (17 % сербов в этой зоне находились за рубежом, что в 4 раза выше, чем в целом по стране), а влахи – 8 % (за рубежом – 17,5 % из всех влахов в этой зоне); во второй 93,1 % составляли албанцы; в третьей 92,2 % – боснийцы-мусульмане, а сербы – только 5,3 %. Западная Европа лидировала по доле эмигрантов: 73,2 % приходилось на пять западноевропейских стран – Германию, Австрию, Швейцарию, Францию, Италию (Penev, Predojević-Despić 2012).

Очередная перепись была проведена в 2011 г. Численность населения была равна 7186,9 тыс. человек, в том числе в Воеводине – 1931,8 тыс., а в Центральной Сербии – 5255,1 тыс. (Республики... 2012б). Но следует учесть, что данные снова оказались несопоставимы с предыдущей переписью. В этот раз в постоянное население были включены перемещенные лица из Косово, не учитывавшиеся в 2002 г. В 2000 г. было зарегистрировано 189 тыс. таких лиц. В результатах переписи 2011 г. их не выделили, но, по грубой оценке автора, с учетом смертности и возвращения определенного их количества в родные места, речь может идти о 170 тыс. Кроме того, албанское население юга Сербии в подавляющем большинстве перепись бойкотировало (их в 2002 г. насчитывалось 58 тыс.). Естественная убыль населения за межпереписной период резко увеличилась по сравнению с предыдущим периодом и составила целых 297,4 тыс., или –4,3 ‰, в том числе в Воеводине – 94,3 тыс., или –5,1 ‰, а в Центральной Сербии –203,1 тыс., или –4 ‰ в год (Республики... 2015а). В результате получаем 7440 тыс.

в 2002 г. (без албанцев, бойкотировавших перепись) и 7017 тыс. в 2011 г. (без косовских сербов), тогда разница составит 423 тыс., в том числе сальдо миграции равняется минус 126 тыс., или $-1,8\%$ в год. Эту цифру, конечно же, не надо воспринимать как точную; фактический миграционный баланс может быть \pm несколько десятков тысяч. Однако она близка к реальности и говорит о резком (примерно в 2 раза) снижении эмиграции в 2000-е гг., которая, несмотря на все имевшиеся проблемы, была для Сербии все-таки не такой катастрофической, как в 1990-е гг.

Говоря о национальном составе, нужно подчеркнуть, что если уже в 2002 г. был достаточно высокий процент неопределившихся, не указавших свою национальность и тех, чья национальность неизвестна, то в 2001 г. он стал еще больше – $3,8\%$, поэтому снова имеет смысл распределить их между рассматриваемыми национальностями. Кстати, постоянно растущий процент людей без определенной национальности указывает на снижающееся качество переписи, так что этим вопросом должно заняться сербское статистическое ведомство. Число сербов, черногорцев и югославов сербского происхождения оказалось в этот раз равно 6285,8 тыс., или $87,5\%$ от всего населения. Хотя произошел некоторый рост доли сербов в населении, но их число, даже несмотря на учет переписью многочисленных косовских сербов, сократилось на 235,3 тыс. человек, или на $0,39\%$ в год. Венгры сохранили второе место по численности, но она резко уменьшилась – до 263,9 тыс., или $3,7\%$ ($-1,4\%$ в год, что может говорить об их значительной эмиграции). На третьем месте, как раньше, оказались боснийские мусульмане – 174,2 тыс. ($2,4\%$ от всего населения, или $0,9\%$ в среднем за год). Их численность заметно выросла, а значит, резко уменьшились масштабы эмиграции. Далее шли цыгане, которые показали особо большой рост населения – 153,4 тыс. ($2,1\%$, или $3,5\%$ в год). Но их естественный прирост не мог быть таким большим. Вероятно, дело здесь в улучшении качества учета цыган или в их значительной иммиграции в Сербию. Если быстрый рост цыган продолжится и дальше, они скоро могут стать второй по численности национальной группой, легко обогнав не только более медленно увеличивающих численность мусульман, но и вымирающих и массово выезжающих за рубеж венгров. У хорватов и слова-

ков в 2011 г. обнаружилось сильнейшее сокращение численности: до 60,2 тыс. (0,8 % и –1,96 % в год) и 54,8 тыс. (0,8 % и –1,06 %). Разрыв в темпах роста между «растущими» и «убывающими» народами колоссально вырос не в пользу «убывающих» (рассчитано по: Републички... 2012в).

Численность сербов, черногорцев и югославов в Центральной Сербии оказалась равна 4874,2 тыс., или 92,8 %, а в Воеводине – 1411,6 тыс., или 73,1 %. И опять доля сербов заметно выросла именно в Воеводине, по всей видимости, за счет беженцев из Косово. Доля детей до 15 лет в целом по Сербии была равна 14,3 %, а жителей 65 лет и старше – 17,4 % (в Воеводине – 14,4 % и 16,4 %, а в Центральной Сербии – 14,2 % и 17,8 %). У сербов и черногорцев доля детей была равна 13,7 %, а пожилых – 17,7 %, у венгров – 11,7 % и 21,5 %, у хорватов – 7,2 % и 29,3 %, у словаков – 12,5 % и 19,2 %, у мусульман – 23,5 % и 9,1 %, у цыган – 32,2 % и 4 %. «Молодые» народы почти не стареют, а «старые» – стареют стремительно; столь быстрое старение напрямую угрожает их существованию и ведет к исчезновению (главной причиной этого является, конечно, крайне низкая рождаемость). Да и население Сербии значительно постарело, особенно по сравнению с 1991 г.: доля детей стала меньше на 4,9 процентных пункта, а пожилых – больше на 5,7 пункта (рассчитано по: Там же).

По данным текущей статистики, естественная убыль сербов (без черногорцев и югославов) составляла за 2002–2011 г. 275 тыс. человек, или –4,7 ‰ в среднем за год, что говорит об исключительно острой демографической ситуации. Из-за естественной убыли также серьезно сократилась численность венгров (на 28,5 тыс.), хорватов (на 10,8 тыс.) и словаков (на 5 тыс.). Значительно выросло благодаря естественному приросту число цыган (на 21,3 тыс.), славян-мусульман (на 13,1 тыс.) и албанцев (на 7,9 тыс. [Републички... 2014а]).

Рождаемость, несмотря на некоторые колебания, в целом продолжила свое снижение. В Воеводине число рождений резко упало с 20,4 тыс. в 2003 г. до 18,4 тыс. в 2007 г. и 18,1 тыс. в 2010 г. В Центральной Сербии за эти же годы динамика числа рождений была равна: 58,6 тыс., 49,7 тыс. и 50,2 тыс. Общий коэффициент рождаемости (Сербия в целом, Воеводина и Центральная Сербия) составлял: в 2003 г. – 10,6 ‰, 10 ‰ и 10,8 ‰, в 2007 г. – 9,2 ‰,

9,2 ‰ и 9,2 ‰, в 2010 г. – 9,4 ‰, 9,3 ‰ и 9,4 ‰. Смертность же замедлила свой рост в Центральной Сербии и перестала расти в Воеводине. Количество умерших в Воеводине составило: 29,7 тыс. в 2003 г., 28,8 тыс. в 2007 г. и 28,4 тыс. в 2010 г., а в Центральной Сербии за те же самые годы: 74,2 тыс., 74 тыс. и 74,8 тыс. В результате общий коэффициент смертности за 2000-е гг. несколько вырос и оказался равен для Сербии, Воеводины и Центральной Сербии: в 2003 г. – 13,9 ‰, 14,6 ‰ и 13,6 ‰, в 2007 г. – 13,9 ‰, 14,5 ‰ и 13,7 ‰, в 2010 г. – 14,2 ‰, 14,5 ‰ и 14 ‰. Естественная убыль в Сербии за эти 3 года все-таки заметно выросла из-за падения рождаемости: –3,3 ‰, –4,7 ‰ и –4,8 ‰. С 2003 г. по 2007 г. резко увеличились и ее абсолютные числа, но затем прекратили свой рост: 24,9 тыс. человек в 2003 г., 34,7 тыс. в 2007 г. и 34,9 тыс. в 2010 г. (рассчитано по: Републички... 2012a). И снова в Воеводине разница между коэффициентами смертности и рождаемости оказалась большей – сказалось сильнейшее старение ряда народов.

Суммарный коэффициент рождаемости в Центральной Сербии и Воеводине к 2003 г. резко вырос – до 1,62 и 1,51, но затем снова стал снижаться, упав ниже катастрофически низкого уровня конца 1990-х гг.: 1,41 и 1,39 в 2010 г. (в Сербии в целом – с 1,59 до 1,41 за те же годы). Поэтому нетто-коэффициент воспроизводства населения, увеличившись было до 0,76 в Центральной Сербии и 0,7 в Воеводине в 2003 г., к 2010 г. вернулся к исключительно низким значениям конца 1990-х гг. – 0,68 и 0,67 (в целом в Сербии он упал с 0,74 до 0,68). Младенческая смертность в 2000-е гг. продолжала свое быстрое падение: во всей Сербии – с 9,1 ‰ в 2003 г. до 6,7 ‰ в 2010 г., в Центральной Сербии – с 9,6 ‰ до 7,2 ‰, а в Воеводине – даже с 7,5 ‰ до 5,1 ‰. Но все же она никак не могла повлиять на общую динамику смертности: слишком мала была доля умерших младенцев среди всех умерших (0,8 % в 2000 г. и 0,4 % в 2010 г.). К позитивным изменениям относится и то, что средняя продолжительность жизни по сравнению с 1990-ми гг. значительно ускорила свой рост. В Воеводине она выросла с 68,6 года для мужчин и 74,5 года для женщин в 2003 г. до 69,9 (+1,3 года) и 76,1 года (+1,6 года) в 2010 г., а в Центральной Сербии у мужчин – с 70,6 до 72 лет (+1,4 года), а у женщин – с 75,4 до 76,8 года (+1,4 года). Для Сербии в целом она за эти 7 лет выросла у мужчин с 69,9 до

71,4 года (+1,5 года), а у женщин – с 75,1 до 76,6 (тоже +1,5 года [Републички... 2011]).

Можно также добавить последние данные о демографической динамике в Сербии. Число рождений несколько выросло с 65,6 тыс. в 2011 г. до 66,4 тыс. в 2014 г., в том числе в Воеводине – с 17,4 до 17,5 тыс. Число смертей за тот же период удалось снизить с 102,9 тыс. до 101,2 тыс., а в Воеводине – с 28 до 27,1 тыс. В результате естественная убыль населения сократилась с 37,3 тыс. до 34,8 тыс. Общий коэффициент рождаемости вырос с 9,1 до 9,3 ‰, а смертность осталась на уровне 14,2 ‰. Младенческую смертность к 2014 г. удалось снизить до 5,7 ‰ (в Воеводине – 4,6 ‰). Суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,4 в 2011 г. до 1,47 в 2014 г. (в Воеводине – с 1,39 до 1,45). Средняя продолжительность жизни быстро росла в 2011 и особенно 2012 г., но в 2013 г. ее рост замедлился, а в 2014 г. фактически остановился, достигнув 72,6 года у мужчин и 77,7 года у женщин в целом по стране (в Воеводине – 71,5 и 77,3 года). Самой высокой она была в Белградском регионе – мужчины там жили 73,6 года, а женщины – 78,5 лет (Републички... 2015б).

Интересно посмотреть на итоговую рождаемость детей у женщин 40–49 лет, которую можно считать окончательной. По переписи 2011 г. в Сербии в целом женщины к этому возрасту родили 1,77 ребенка, что совершенно недостаточно для воспроизводства населения, в том числе сербки – 1,74 ребенка (в Воеводине – 1,75, а в Белграде – всего 1,55), черногорки – 1,69, венгерки – 1,87, хорватки – 1,81, словачки – 1,9, боснийские мусульманки – 2,4, а цыганки – 2,85. Интересно, что число детей у женщин 60 лет и старше слабо отличалось от 40–49 летних: в целом по Сербии – 1,81, а у сербок – 1,79 (в Белграде – 1,63). Заметное снижение произошло только у муслиманок (3,4) и цыганок (3,09). Эта небольшая разница говорит о повсеместном распространении регулирования рождаемости и ориентированности на небольшое число детей в семье еще в 1960-е гг., когда нынешние пожилые женщины вступали в брак и начинали рожать детей (Републички... 2013).

Общий коэффициент смертности составил в целом в Сербии 13,84 ‰ в 2000 г. и вырос до 14,2 ‰ в 2014 г. Сам по себе он мало

о чем говорит. Но надо учесть, что люди умирают в разном возрасте. И чтобы получить лучшее представление о ситуации со смертностью, этот показатель можно разбить на 2 части: первую, явно преждевременную и в основном предотвратимую в современных условиях смертность (до 60 лет), и вторую, которую предотвратить гораздо сложнее (умершие в возрасте 60 лет и старше). Из 104 тыс. человек, умерших в 2000 г., 86 тыс. составляли люди 60 лет и старше, то есть 82,7 %. А из 101,2 тыс. умерших в 2014 г. было 88,1 тыс. людей этого возраста, или 87,1 %. Таким образом, доля пожилых в смертности значительно выросла. Тогда первая часть общего коэффициента смертности (то есть доля умерших до 60 лет в населении, умноженная на величину общего коэффициента для всего населения) в 2000 г. была равна 2,4 ‰, а в 2014 г. – 1,8 ‰, и уменьшилась на 0,6 пункта промилле. Вторая его часть – смертность жителей 60 лет и старше, полученная вычитанием первой части из общего коэффициента, напротив, значительно выросла: с 11,4 до 12,4 ‰, или на 1 пункт. Но надо иметь в виду, что возрастные коэффициенты смертности пожилых при этом снижались, то есть люди пожилого возраста стали жить дольше. Так, например, смертность людей 60–64 лет упала с 2000 г. до 2014 г. на 4,7 % (другими словами, если в 2000 г. за год умирало 1,61 % людей этого возраста, то в 2014 г. – уже 1,55 %). А смертность 80–84-летних людей за то же время упала на 6,9 %: если за 2000 г. умерло 11,92 % людей этого возраста, то за 2014 г. – 11,15 %. Сходным образом сократилась смертность в остальных пожилых возрастах (рассчитано по: Републички... 2015б).

В результате мы видим на первый взгляд парадоксальную ситуацию, когда коэффициент смертности в отдельных возрастах снижается, но в целом у всего пожилого населения – увеличивается! Так происходит потому, что эта часть общего коэффициента смертности Сербии растет за счет увеличения доли пожилых в ее населении и старении самих пожилых, в составе которых, как мы увидим, растет доля самых старых (80 лет и старше), и сокращение уровня смертности в отдельных пожилых возрастах оказалось совершенно недостаточным, чтобы остановить этот рост.

Итак, смертность в современной Сербии почти на 90 % определяется смертностью пожилых и старых людей, и ее общий коэффи-

циент будет и дальше расти вместе с ростом доли пожилых. Рост этой доли мог бы быть гораздо более медленным, если бы в стране не была чрезвычайно низкая рождаемость. Если бы рождалось больше детей, выросла бы и их доля в населении за счет уменьшения удельного веса других групп, в том числе пожилых. Благодаря этому замедлился бы и рост общего коэффициента смертности, ведь у сербских детей уровень смертности очень низок.

Более подробно проанализировать рождаемость, смертность и естественный прирост населения можно, разделив Сербию на несколько регионов, внутри которых наблюдается сходная демографическая динамика. Имеет смысл при этом учитывать и долю национальных меньшинств. В первую группу стоит выделить общины крайнего севера Воеводины с преимущественно венгерским населением, а также общину Суботица. Хотя там сербов больше, чем венгров, но большинство составляют все-таки несербско-католики. Во вторую группу – три общины, населенные преимущественно боснийскими мусульманами (национальный состав сербских общин взят из: Републички... 2012г). В третью группу – территории с относительно благополучной демографической динамикой; в крайне неблагоприятных условиях Сербии это территории, где убыль пока еще небольшая: менее –4 ‰ (это Белградский регион, общины Панчево, Нови-Сад, Ниш, Крагуевац, Вране, Ужице, Жабаль, Сремски-Карловци, Печинци, Стара-Пазова, Ариле, Приполе, Смедерево). В четвертую – Юго-Восточную Сербию, а в пятую – все остальные общины. Албанские общины – Прешево, Буяновац, Медведжа – придется из анализа исключить, так как есть подозрения, что текущий учет демографических событий там далеко не полон. По данным на 2014 г., в первой группе общин проживало 294,8 тыс. человек, или 4,2 ‰ населения Сербии. Там рождаемость, смертность и естественный прирост составляли: 8,6 ‰, 15,9 ‰ и –7,3 ‰. Во второй группе – 160,5 тыс., или 2,3 ‰, а естественное движение населения было равно 14,5 ‰, 8,0 ‰, 6,5 ‰. В третьей группе все эти цифры были равны соответственно 3022,1 тыс., 42,8 ‰, 10,6 ‰, 12,3 ‰ и –1,7 ‰. В четвертой группе – 1287,2 тыс., 18,2 ‰, 7,6 ‰, 17,3 ‰ и –9,7 ‰. Стоит отметить, что, несмотря на исключительно высокий общий коэффициент смертности, здесь наблюдается продолжительность жизни, почти не от-

личающаяся от уровня во всей Сербии: 72,3 года для мужчин и 77,7 года для женщин. Значит, высочайшая смертность обусловлена крайне высоким процентом пожилых в населении. Для пятой группы все эти показатели составили: 2292,2 тыс., 32,5 %, 8,3 %, 15,3 % и –7 % (Републички... 2015в). Значит, всего 2 % населения Сербии устойчиво воспроизводят себя (и это районы, населенные преимущественно боснийскими мусульманами), а целых 55 % живут в районах с крайне высокой убылью населения – около –8 % в год. При этом, учитывая, что в данных районах живет и определенный процент цыган с высокой рождаемостью, темпы убыли у сербского народа в них на самом деле намного быстрее.

Стоит отметить, что в четвертой группе общин, население которых сокращается устрашающим темпом 1 % в год, живут главным образом сербы, которые говорят на косовско-ресавском диалекте, достаточно заметно отличающемся от стандартного сербского, и призренско-тимокском диалекте, особенно резко отличающемся от стандарта, намного больше, чем, скажем, давно считающийся самостоятельным хорватский язык⁵ (Okuka 2008). Получается, что эти диалекты находятся под острейшей угрозой вымирания. Также полным ходом идут процессы ассимиляции, когда заметная часть молодежи переходит на стандартный сербский, в том числе в связи с тем, что их родной диалект воспринимается многими сербами как неправильный диалект необразованных людей, не приспособленный для адекватного выражения сложных мыслей и понятий (Poročić, Balać 2011). Вообще Юго-Восточная Сербия испытывает проблемы с депопуляцией, как и с массовой эмиграцией молодежи в другие регионы Сербии, уже не одно десятилетие. Очень яркий пример представляет собой община Бабушница, где население начало сокращаться еще с начала 1950-х гг. Оно снизилось с 37,5 тыс. в 1948 г. до 12,3 тыс. в 2011 г., или в 3 раза. В самом городе Бабушница население весь этот период росло – с 0,6 до 4,6 тыс., но в селах сократилось с 36,9 до 7,7 тыс. – почти в 5 раз (Републички... 2014б). Все это значит, что уникальный призренско-тимокский диалект в обозримом будущем может

⁵ В этом диалекте значительно упрощена грамматика и полностью отличаются от литературного сербского даже некоторые базовые слова: «бросать», «делать», «большой», «сейчас», «хорошо» и даже «их» (Okuka 2008).

исчезнуть и присоединиться к сотням и тысячам исчезнувших диалектов во всем мире, если не принять срочных мер по популяризации, например, в СМИ этого региона. Сербскому обществу надо изменить к нему отношение, воспринимать его как очень ценную часть языкового богатства сербских говоров, которую надо беречь, и прийти к пониманию, что утрата этого говора будет означать серьезное обеднение сербского языка, да и всего языкового пространства бывшей Югославии. Ведь в нем очень много слов, выражений и грамматических черт, которые не встречаются не только у сербов в других регионах бывшей Югославии, но даже у хорватов и боснийских мусульман. Нужно доказать молодежи важность сохранения родного диалекта. К этому может подключиться и местная интеллигенция, если постарается больше писать на диалекте.

Отдельную проблему представляет опустение сербских деревень, а также слишком высокая концентрация населения в Белграде по отношению к остальным городам Сербии. Процент городского населения вырос с 56,3 % в 2002 г. до 59,4 % в 2011 г., а его численность достигла 4271,8 тыс., увеличившись на 53,4 тыс., тогда как в сельской местности население сократилось на 365 тыс. человек, или на -1,24 % в год. В Белграде без пригородов проживало 1166,8 тыс., или 24,7 % всего городского населения. По правилу «ранг – размер» в следующем по размеру городе должны были бы жить 580 тыс. человек, в третьем – 388 тыс., а в четвертом – 290 тыс., но в реальности – значительно меньше: после Белграда идут Нови-Сад с 231,8 тыс., Ниш с 183,2 тыс. и Крагуевац с 150,3 тыс. (Републички... 2015а).

Стоит рассмотреть и динамику возрастной структуры в Сербии, точнее, изменение числа молодых (младше 30 лет) и пожилых (65 лет и старше). Динамика числа пожилых показывает темпы старения населения, а рост или уменьшение числа молодых людей помогает точно определить, куда движется в стране рождаемость и как меняется численность людей, от которых зависит будущее страны. Для этого можно взять промежуток времени с 1991 до 2011 г., когда в Сербии непрерывно шла открытая депопуляция. Так что этот анализ позволит рассмотреть и влияние депопуляции на возрастную структуру. За эти двадцать лет в Сербию прибыло

очень много беженцев, но, с другой стороны, наблюдалась и очень сильная волна эмиграции, так что эти волны в основном погасили друг друга и не оказали существенного влияния на изменение возрастной структуры, которая менялась в основном под воздействием внутренних процессов – рождаемости и смертности.

Но нужно добиться сопоставимости данных. Как мы помним, в 1991 г. в населении учитывались граждане Сербии, которые проживали и работали за границей. Поэтому нужно вычесть тех, кто работал дольше 1 года, из населения на 1991 г., а поскольку автору недоступны данные по их возрастной структуре, можно принять, что она не отличалась от таковой для общего числа эмигрантов. Даже если она значительно отличалась, из-за немногочисленности этой категории (23 тыс. человек) серьезных искажений в общем населении не будет. Население неизвестного возраста можно распределить среди тех, чей возраст известен. Тогда для 1991 г. получается следующий результат: из 7576,8 тыс. человек – 2964,0 тыс. возраста 0–30 лет, а 905,4 тыс. – 65 лет и старше; в 2011 г. – из 7186,9 тыс. соответственно 2347,3 тыс. и 1250,3 тыс. А это значит, что при сокращении населения в целом на 5,4 %, или –0,26 % в год, население 65 лет и старше росло практически темпами демографического взрыва: оно увеличилось на 38 % и 1,59 % в год (в том числе 80 лет и старше – 159,2 тыс. и 258,1 тыс. – на 62 % и 2,39 % в год; таким высоким темпам позавидовали бы многие ближневосточные и африканские государства). Понятно, что в условиях убыли общего населения этот рост мог произойти только за счет серьезного сокращения населения возраста 0–64 лет (с 6671,4 до 5936,6 тыс., на 12,3 %, или –0,57 % в год). Однако особо быстро происходило сокращение самых молодых сербов – до 30 лет: на 26,3 %, или на 1,14 % в год. Число детей (до 15 лет) сокращалось еще быстрее – с 1467,9 тыс. до 1025,3 тыс., то есть на 43 %, или 1,77 % в год, – чрезвычайно высокий темп (рассчитано по: Savezni... 1991; Републички... 2012б).

Таким образом, перед нами крайне неоднородная динамика населения Сербии не только по национальностям и территориям, но и – даже в гораздо большей степени – по возрастной структуре. Оказывается, при депопуляции далеко не все возрастные группы уменьшаются в численности, а разные возрасты изменяют свое

население разнонаправленно. На примере Сербии мы видим, что численность пожилых людей даже при серьезной депопуляции быстро растет (а население старше 80 переживает самый настоящий демографический взрыв), но число детей и молодежи стремительно сокращается, что помогает ясно увидеть всю опасность сокращения численности населения. Собственно, этот процесс и приводит к уменьшению доли детей, которым предстоит внести вклад в воспроизводство населения, и росту доли пожилых и старых людей, не способных к воспроизводству. То есть Сербия особенно быстро теряет прежде всего молодое поколение, а значит, стремительно уменьшается число молодых родителей, на которых приходится основной процент рождений, как и вообще число мужчин и женщин трудоспособного возраста, что очень опасно и ставит под угрозу будущее страны. Быстрый рост пожилых, в свою очередь, приведет к быстрому росту общей смертности, которая и так уже очень высока. Получается замкнутый круг: депопуляция ускоряет саму себя и со временем неминуемо примет гораздо большие масштабы. К этой очень мрачной картине остается только добавить: общая убыль населения Сербии с 1992 по 2014 г. оказалась равна 586,4 тыс., или 7,7 % от населения на 1991 г.⁶ (рассчитано по: Републички... 2012а; 2015б). Сербскую общественность, как и всех жителей Сербии, безусловно, должен весьма обеспокоить тот факт, что страна в мирное время безвозвратно потеряла более 600 тыс. человек, что равно половине совокупных потерь Сербии в Первой мировой войне, и особенно то, что число детей в стране стало в полтора раза меньше всего за 20 лет. Сербской интеллигенции надо развернуть широкое обсуждение масштабов проблемы, ее причин и мер, способных ее решить или по крайней мере смягчить. Тема быстрого исчезновения сербского народа (и особо быстрого – детей и молодежи) должна стать приоритетной в Сербии.

Черногория. Вот что происходило с населением Черногории с начала 1990-х гг. Черногорская перепись 2003 г. показала числен-

⁶ По самым последним данным, опубликованным летом 2016 г., в 2015 г. естественная убыль населения Сербии еще усилилась и составила 38,0 тыс., а население сократилось до 7095,3 тыс. (Републички... 2016). То есть общий размер убыли составил уже 8,2 % населения, или 624,4 тыс. человек, что, для сравнения, превышает все население Черногории.

ность населения 620,1 тыс. (673,1 тыс. по методологии 1991 г.), а его рост между 1991–2003 гг. составил 0,72 % в год. В 2003 г., как и в случае с Сербией, в населении не учитывались жители Черногории, работавшие за границей дольше одного года, но учитывались иностранцы, проживавшие в стране более одного года. Перепись учла также всех беженцев, прибывших в 1990-е гг. По методологии 2003 г. численность населения составила в 1991 г. 593,5 тыс., а его рост за 1991–2003 гг. – 0,35 % в год (Завод... 2005б).

Что касается национального состава, эта перепись обнаружила очень большое число неопределенных/тех, у кого национальность не указана, – 5,5 %. Поэтому оно будет распределено по конкретным национальностям, рассматриваемым ниже, если условно принимать, что доля этих национальностей среди неопределенных такая же, как в целом по стране. Получается, что сербы, черногорцы, а также югославы в совокупности составили в 2003 г. 495,0 тыс. человек, или 79,8 % населения. Их прирост равен 0,9 % в год (по методологии 2003 г.). Другими значительными национальностями были босняки (вместе с мусульманами по национальности – 77,3 тыс. и 12,5 %) и албанцы (32,9 тыс. и 5,3 %). Дети до 15 лет составляли 20,7 % всего населения, а люди 65 лет и старше – 12,1 % (у сербов и черногорцев соответственно 19,7 % и 12,7 %, у славян-мусульман – 25,8 % и 8,6 %, а у албанцев – 23,2 % и 12,6 % [Завод... 2004]). В 1991 г. насчитывалось 25,5 % детей и 8,3 % пожилых (Penev 2009). Таким образом, за 1990-е – начало 2000-х гг. произошло заметное увеличение доли сербов/черногорцев в населении страны. Возрастная структура Черногории резко «постарела». Доля детей в ней снизилась сразу на 4,8 %, а доля пожилых увеличилась на 3,6 %.

Рождаемость в 1991 г. составила 9,61 тыс. человек и выше этого уровня не поднялась. Вплоть до 2001 г. она составляла 8,8–9,5 тыс. человек, но в 2003 г. – только 8,34 тыс. В пересчете на 1000 человек рождаемость снизилась с 15,6 ‰ в 1991 г. до 14 ‰ в 2000 г. и 13,5 ‰ в 2003 г., или в 1,2 раза. Это снижение не было бы тревожным, если бы не произошло существенное увеличение смертности. Но в том-то и дело, что имело место более чем существенное ее увеличение: в абсолютных цифрах – с 3,98 тыс.

в 1991 г. сразу до 4,98 тыс. в 1996 г. и 5,7 тыс. в 2003 г., а в относительных за те же годы – 6,5 ‰, 7,8 ‰ и 9,2 ‰. Естественный прирост снизился более чем в 2 раза, с 9,1 ‰ до 4,3 ‰. Но даже о таком небольшом приросте остальные территории с сербским большинством могли только мечтать. Всего за 1991–2003 гг. население Черногории выросло на 26,6 тыс. Из них естественный прирост составлял 50,0 тыс., или 6,5 ‰ в среднем за год. Сальдо миграции оказалось отрицательным: –3,1 ‰, или –23,4 тыс. (MONSTAT 2014).

Учитывая, что в стране на дату переписи оставалось 21 тыс. беженцев (не считая 14 тыс. беженцев из Косово, не учитывавшихся в 2003 г., но учитывавшихся в 2011 г.), эмиграция должна была составлять около 44 тыс., или приблизительно 7 % всего населения, что, конечно, представляет собой очень большую цифру (не будем забывать, что сюда по новым правилам относятся и все граждане, работающие за границей более года). Нужно упомянуть, что, как и в 1980-е гг., существуют огромные региональные различия. Если учитывать и беженцев из Косово, сальдо миграции за межпереписной период в Черногории было равно –1,6 ‰, в то время как на Севере –15,5 ‰, в центральной части 2 ‰, а в развитых приморских областях с благоприятным климатом – даже 12 ‰. Здесь доля беженцев и перемещенных лиц составила 9,8 % по сравнению с 4,2 % в остальной Черногории. Эмиграция из страны имеет выраженный этнический характер. Всего было учтено 55,7 тыс. черногорских жителей за пределами страны (8,1 % населения, по сравнению с 3,9 % в 1991 г. и 3,2 % в 1981 г.), 95 % из которых пребывали в других государствах больше года и не были включены в данные о постоянном населении. 67 % из них относились к славянам-мусульманам и албанцам, которые вместе составляли всего 17 % населения. В общине Плав, где большинство – муслимане, 35,9 % населения – эмигранты, а в албанской общине Улцинь – 23,6 %. Даже в столице страны (на тот момент) Подгорице, где 5,8 % населения пребывало за границей, половина из них, оказывается, были албанцами. При этом во многих общинах с сербским/черногорским большинством за границей пребывало менее 2 % населения (Ревев 2009). Этим и объясняется резкое увеличение доли черногорцев и сербов в населении страны: они оказались гораздо более «до-

машини» и не горели желанием покидать родную страну. Интересно, что ситуация в Черногории очень сходна с Сербией: там титульная нация также показала слабую склонность к эмиграции (правда, за существенным исключением в виде сербов из Центрально-Восточной Сербии), зато албанцы и боснийские мусульмане покидали страну гораздо чаще. Вероятно, это связано и с серьезным экономическим отставанием областей, где проживают эти меньшинства.

За поверхностной динамикой достаточно грубых общих коэффициентов рождаемости и смертности стоят более глубокие процессы, которые можно увидеть с помощью гораздо более точных индикаторов: суммарный коэффициент рождаемости и средняя ожидаемая продолжительность жизни, которые совершенно не зависят от возрастной структуры, в то время как общие коэффициенты часто зависят от нее колоссально. В случае Черногории суммарный коэффициент рождаемости снижался таким же темпом, как и общий. Если в 1990-х гг. он держался на уровне замещения поколений (2,05 в 1991 г., 2,07 в 2000 г., или 98 % от необходимого уровня), то затем начал стремительно падать и в 2003 г. достиг 1,77, или 83 %, что откровенно недостаточно не только для роста в долгосрочной перспективе, но даже для сохранения населения на существующем уровне. Небольшой естественный прирост наблюдался только благодаря благоприятной возрастной структуре, которая была под влиянием высокой рождаемости в прошлом и не успела прийти в соответствие со сверхнизким уровнем рождаемости. Средняя продолжительность жизни у мужчин осталась на том же уровне (71,5 года в 1991–1992 гг. и 71,8 в 2002–2004 гг.), но у женщин резко снизилась: с 78,6 до 76,7 за те же годы, вернувшись на уровень начала 1980-х гг. Некоторое влияние на это снижение оказала и младенческая смертность, которая возросла с 11,2 ‰ в 1991 г. до 14,6 ‰ в 2001 г. (Penev 2009). Показатель 1991–1992 гг. представляется слишком высоким; вероятно, в некоторых районах имел место значительный недоучет смертности. Впрочем, этот вопрос нуждается в исследованиях.

Самая последняя перепись прошла в 2011 г. Формально численность населения осталась той же (620,0 тыс.). Но методология переписи опять изменилась. По новой методологии (не считая бе-

женцев из Косово) в 2003 г. жило 612,3 тыс., а не 620 тыс. (MONSTAT 2012a). Но если прибавить беженцев из Косово к населению на 2003 г., получится, что население страны за 2003–2011 гг. сократилось на 6,3 тыс., или на 0,14 % в год. Городское население составило 63,3 %, а в крупнейшем городе Подгорице проживало 155,7 тыс., или 39,7 % городского населения. И в этой переписи оказалось недопустимо большое количество тех, кто не ответил на вопрос о национальности или по которым нет данных, поэтому будет произведен пересчет, точно так же, как и в прошлый раз. В результате численность черногорцев (включая черногорцев-мусульман), сербов и югославов сербского происхождения оказалась равна 486,6 тыс., или 78,5 % всего населения. Впервые за послевоенное время она сократилась, в среднем на –0,23 % в год, в то время как численность албанцев сократилась несколько сильнее – до 32,1 тыс., или 5,2 % (–0,33 %), а славян-мусульман, разделенных в итогах переписи на множество отдельных национальностей (босняки, боснийцы, мусульмане, мусульмане-босняки и т. д.), было 79 тыс., или 12,7 % (рост на 0,29 % в год [MONSTAT 2011a]). Доля детей до 15 лет была равна 19,2 %, а людей старше 65 – 12,8 % (MONSTAT 2011b).

Рождаемость в республике продолжала значительно снижаться. В 2005 г. число родившихся уменьшилось до 7,35 тыс. К 2009 г. оно поднялось до 8,64 тыс., но сразу же значительно сократилось – до 7,22 тыс. в 2011 г. Общий ее коэффициент возрос с 11,8 ‰ в 2005 г. до 13,7 ‰ в 2009 г., но в 2011 г. он упал до 11,6 ‰. А вот число умерших, в отличие от предыдущего периода, не показало сколько-нибудь значительного роста: максимум был достигнут в 2007 г. (5,98 тыс.), а минимум – в 2010 г. (5,63 тыс.). В 2011 г. в стране умерло 5,85 тыс. человек. Общий коэффициент смертности соответственно был равен 9,5 ‰, 9,1 ‰ и 9,4 ‰. Естественный прирост достиг максимума в 2009 г. (4,4 ‰, но и это значение было в 2 раза ниже 1991 г.), но всего через 2 года снизился в 2 раза – до 2,2 ‰. В 2003–2011 гг. естественный прирост составил 16,3 тыс. человек – в несколько раз меньше 1991–2003 гг., или 3,5 ‰ в год (MONSTAT 2014). Учитывая общую убыль на 6,3 тыс. человек, эмиграция из страны оказалась больше, чем прирост, – 22,6 тыс., хотя она и была в 2 раза ниже, чем за период 1991–2003 гг. По ди-

намике славян-мусульман и албанцев видно, что они, отличаясь заметно лучшей возрастной структурой, чем черногорцы с сербами, тем не менее практически вообще не «растут». Можно предположить, что они остались глубоко вовлечены в миграцию и, как раньше, составляли большинство эмигрантов.

К этому остается добавить самые последние данные по рождаемости и смертности. Число рождений с 2012 г. стало устойчиво расти, достигнув в 2014 г. 7,53 тыс., но и число умерших растет примерно с той же скоростью: до 6,01 тыс. в том же году. Общий коэффициент рождаемости в 2014 г. стал равен 12,1 ‰, а смертности – 9,7 ‰. Естественный прирост остался на уровне 2011 г. – 2,4 ‰. Младенческая смертность в 2014 г. упала до очень низкого уровня в 5,7 ‰. Суммарный коэффициент рождаемости к 2008 г. вырос до 1,81, но уже к 2011 г. упал до 1,65, хотя в 2014 г. заметно вырос до 1,75. Средняя продолжительность жизни мужчин увеличилась с 71,3 в 2000 г. до 72,8 в 2008 г. и 73,9 в 2014 г., а женщин – с 76,4 до 78,1 и 78,9 года. В современной Черногории, как и в Сербии, динамика смертности определяется динамикой числа умерших пожилых и старых людей. Смерти после 60 лет здесь составили в 2000 г. 78,1 ‰, а в 2014 г. – 83,5 ‰ всех смертей; общий коэффициент за это же время вырос с 8,8 до 9,7 ‰ (MONSTAT 2015b).

Как и в случае с Сербией, представляется важным разделить общий коэффициент смертности на 2 части. Первая часть общего коэффициента смертности, которая означает смертность до 60 лет, в 2000 г. составила 1,9 ‰, а в 2014 г. – 1,6 ‰, упав на 0,3 пункта промилле. Вторая же его часть заметно выросла: с 6,9 до 8,1 ‰, то есть на 1,2 пункта промилле. Сокращение смертности в молодых и зрелых возрастах оказалось несравнимо меньше, чем ее рост в пожилых возрастах. Поэтому общий коэффициент смертности вырос почти на столько же, на сколько выросла его вторая часть: на 0,9 ‰. Данная динамика очень похожа на Сербию и Республику Сербскую (рассмотренную ниже), разве что старение населения идет несколько медленнее. Ясно, что резервы снижения смертности среди более молодого населения чрезвычайно малы, и смертность будет неотвратимо расти и дальше вместе с ростом доли пожилого населения. Значит, если не повысить рождаемость, естественной убыли населения в скором будущем Черногории не избежать.

Среднее число детей, рожденное женщиной к возрасту 45–49 лет, по переписи 2011 г. оказалось равно 2,6 ребенка, по сравнению с 4 у женщин 80 лет и старше, что говорит о заметном снижении рождаемости у более молодых поколений. В среднем женщина старше 15 лет, которая когда-либо рожала, родила 2,7 ребенка, причем самое большое количество детей было в областях, населенных преимущественно славянами-мусульманами: 3,7–3,9, а самое маленькое (2,1–2,2) – в западных приморских областях (MONSTAT 2012*b*). По сравнению с 2003 г. число родившихся у среднестатистической женщины детей практически не изменилось, за исключением славян-мусульман, у них по переписи 2003 г. в двух областях наблюдались более высокие значения: 3,9 и 4,2. Эта перепись дает возможность определить число родившихся у всех женщин (включая нерожавших) возраста 45–49 лет, которое составило во всей Черногории 2,3 ребенка. Женщины в среднем больше всего рожали в общине под названием Рожае, населенной славянами-мусульманами, – 3,4 ребенка, не отставала от них и мусульманская община Плав – 3,3; в албанской общине Улцинь на женщину приходилось 2,3 ребенка; в Подгорице – 2,2; в приморских областях – 1,9 (Завод... 2005*a*).

Начиная с переписи 2003 г. сербы в Черногории могли свободно определять свою национальность в отличие от социалистической Югославии. В результате численность людей, самоопределившихся как сербы, выросла в несколько раз. Стоит отметить, что собственно число черногорцев по национальности выросло с 2003 по 2011 г. с 267,7 тыс. до 278,9 тыс. на фоне быстрого сокращения числа сербов (со 198,4 до 178,1 тыс. [Завод... 2004; MONSTAT 2011*a*]). Сербское население было более старым, чем черногорское, но незначительно. Доля детей до 15 лет составила у сербов 18,8 %, а жителей старше 65 лет – 13,4 %. У черногорцев дети составили 20,4 %, а пожилые – 12,2 % (Завод... 2004). Рост населения черногорцев был равен 0,56 % в год, а сербы сокращались на 1,45 %, что не может быть обусловлено их естественной убылью, учитывая далеко не такую «старую» возрастную структуру по сравнению с по-настоящему «старыми» народами со сходным темпом сокращения, рассмотренными выше. Вероятно, имела место масштабная смена

идентичности сербов, которые начали определять себя как черногорцы.

Сербские партии Черногории подозревают возможность некоторой фальсификации результатов переписи в пользу титульной черногорской нации. По словам А. Мандича, лидера партии «Новая сербская демократия», после проверки 206 тыс. переписных листов сербы составили 33 % населения, а не 29 %, как указывают официальные результаты. Лидер Сербской демократической партии Р. Кадич утверждал, что в некоторых общинах произошло слишком большое сокращение численности сербов, чтобы в него можно было поверить (Nova... 2011).

По самым последним данным, на середину 2014 г. в Черногории насчитывалось 621,8 тыс. человек, или на 1,8 тыс. больше, чем в 2011 г. За 2011–2014 гг. население становилось больше в среднем на 0,6 тыс. в год, тогда как в 2000–2003 гг. средний рост был равен 2,4 тыс., или в 4 раза больше (MONSTAT 2016). Очевидно, что в настоящее время рост населения Черногории, а значит, и черногорско-сербского большинства, по существу, остановился.

Можно разделить общины Черногории в 2014 г. по естественному приросту на 3 группы: две общины с преобладанием славяно-мусульман (5,8 % населения); наиболее демографически благополучные приморские общины (Бар, Будва, Котор, Подгорица, Тиват – 47 %) и все остальные (47,2 %). В первой группе рождаемость составила 13,4 ‰, смертность – 8,7 ‰, а естественный прирост – 4,7 ‰. Во второй – 13,6 ‰, 8,1 ‰ и 5,5 ‰; в третьей – 10,5 ‰, 11,4 ‰ и –0,9 ‰ [рассчитано по: MONSTAT 2015a; 2016]. Таким образом, если рассмотреть население Черногории в региональном разрезе, оказывается, что половина его уже столкнулась с естественной убылью, что не может не настораживать. Интересно, что в упомянутых демографически благополучных общинах по переписи 2011 г. абсолютное большинство составляют черногорцы – 56,3 % от их населения и 54,2 % от всех черногорцев (без тех, кто не указал национальность), тогда как сербов было всего 27 %. А в убывающих общинах хотя и преобладают черногорцы (44,3 %), но значительную часть все-таки составляют сербы – 36,1 %, или 57,7 % от всех сербов (MONSTAT 2011a). То есть, несмотря на полную этноязыковую, культурную и религиозную идентичность, в демо-

графическом поведении между этими двумя народами наблюдаются резкие отличия: у черногорцев в противоположность сербам до сих пор есть определенный естественный прирост.

Наглядное представление об итогах долгосрочных демографических процессов дает подробный анализ возрастной структуры. Но для сопоставимости данных, как и в случае с Сербией, необходимо сделать предварительные расчеты по возрастной структуре Черногории 1991 г., поскольку автору также недоступно распределение по возрасту в 1991 г. по методологии 2003 г. Зато доступны данные о возрастном распределении за 1991 г. как для всего населения Черногории, так и для граждан, которые жили и работали за рубежом. Для расчета населения Черногории по методологии 2003 г. было условно предположено, что граждане, находившиеся за пределами страны более одного года, имели такую же возрастную структуру, как все граждане за рубежом. В дальнейшем будут использованы полученные результаты. Для 2011 г. такие расчеты не производились, но из-за достаточно небольшого числа людей, которые составляют разницу между численностью по старой и новой методологии, качество анализа почти не страдает. Население неизвестного возраста, как и раньше, распределено в соответствии с долей тех или иных возрастов в числе жителей, чей возраст известен.

В целом население Черногории за 1991–2011 гг. выросло всего на 4,4 %. Но вот численность пожилых (старше 65 лет) росла гораздо быстрее: за эти 20 лет она увеличилась с 50,7 тыс. до 79,4 тыс., или на целых 56,6 %. Ее среднегодовой общий рост достиг 2,3 % в год, это весьма высокий темп. В стабильном населении такой быстрый рост пожилых возможен только за счет остальных возрастных групп. Так и произошло: население до 65 лет сократилось с 542,8 до 540,6 тыс. Тревогу вызывает то, что больше всего сократилось население моложе 30 лет, которое представляет собой по сути демографическое будущее любой страны: с 294,7 до 251,6 тыс., или в 1,17 раза, то есть на 0,79 % в год. А если посмотреть на динамику детей до 15 лет и сравнить ее с движением населения старше 80 лет, то число первых сократилось с 151,4 до 118,8 тыс. (в 1,27 раза), а вторых – выросло с 11,2 тыс. до 14,9 тыс. (на 33 %). Относительные темпы оказались равны –1,22 % и 1,44 %. Из-за отрицательной

динамики детей число 50–64-летних в 2011 г. (119,1 тыс.) впервые превысило число жителей 0–14 лет. Еще 20 лет назад детей было больше в 1,6 раза (рассчитано по: Savezni... 1998; MONSTAT 2014).

Убыль населения может охватывать не только отдельные страны/регионы, но и возрасты. И молодые черногорцы убывают с огромной скоростью. Если их убыль (–0,79 % в год) сравнить с динамикой населения разных стран (это не совсем правильно, но дает хорошее представление о масштабе трагедии), то таких быстрых темпов не зафиксировано ни в одной стране мира (World Bank 2016). Но рост других возрастных групп, прежде всего пожилых, маскирует эту страшную депопуляцию, поэтому она остается незамеченной, причем, к сожалению, и среди многих демографов.

Проблема здесь особенно остра, ведь речь не идет о резком снижении численности детей и молодежи в результате падения рождаемости с очень высокого уровня (5–6 и больше детей) до 2–3 детей на женщину, что обычно для развивающихся стран, быстро совершающих демографический переход. В таком случае ничего страшного нет, ведь воспроизводство населения все равно сохраняется. Более того, когда рождаемость стабилизируется на уровне простого воспроизводства, снова начинает расти сначала численность самых младших, а затем постепенно и остальных молодых возрастов. В случае Черногории (и рассмотренной выше Сербии) речь идет о быстром сокращении младших возрастов в ситуации, когда рождаемость уже опустилась ниже простого воспроизводства. А это значит, что каждое следующее поколение значительно меньше предыдущего, а население все быстрее затягивается в воронку депопуляции, которая со временем становится все более катастрофической.

Таким образом, происходит крайне неблагоприятное перераспределение населения Черногории. На фоне резкого сокращения молодых людей с очень низким коэффициентом смертности очень быстро (темпами демографического взрыва) растет численность пожилых с очень высоким коэффициентом, причем число старых людей с особо высоким коэффициентом смертности растет особо быстро (то же самое справедливо в отношении лиц до 14 лет с совсем небольшим коэффициентом смертности, но, естественно, в противоположном направлении). Резкое увеличение численности

пожилых и старых людей само по себе положительно, поскольку означает, что смертность снизилась до достаточно низкого уровня, а значит, пожилые могут жить заметно дольше, а их дети/внуки теперь проводят рядом с ними гораздо большую часть своей жизни, чем это было раньше, в период более высокой смертности. Но ситуация, когда это увеличение происходит при сокращении остальных групп населения, очень опасна. Ясно, что в долгосрочной перспективе не существует никакого выхода из этого тупика, кроме значительного повышения рождаемости как минимум до уровня воспроизводства. Рост суммарного коэффициента рождаемости в последние годы, во-первых, совершенно недостаточен, а во-вторых, неизвестно, насколько эта тенденция устойчива. Ведь в ближайшие годы (с 2017 по 2020 г.) в мире очень вероятны новые экономические и политические потрясения и даже крупные военные конфликты при участии крупнейших государств мира (Акаев, Пантин 2011), которые могут весьма негативно отразиться в том числе на социально-экономическом и политическом развитии Балкан в целом и Черногории в частности, а значит, и на черногорской рождаемости. Исходя из всего сказанного, нужно сделать вывод, что, несмотря на кажущуюся стабилизацию населения, в реальности, с одной стороны, половина страны охвачена открытой депопуляцией, а с другой – по крайней мере с начала 1990-х гг. очень быстрыми темпами идет сокращение населения младше 30 лет (с 1991 по 2011 г. его потери составили 43,1 тыс. человек, или 7 % всего населения), что угрожает долгосрочному демографическому развитию страны. В Сербии, которая уже 24 года страдает от депопуляции, сокращение числа молодежи, естественно, происходит значительно более быстрыми темпами.

В целом в 2000-е гг. численность сербов и черногорцев в Черногории стабилизировалась, но через несколько лет начнется ее устойчивое сокращение, как и в Сербии. Ведь в пожилой возраст вступают многочисленные поколения, рожденные в послевоенные 1950-е гг., что неизбежно резко увеличит смертность и приведет к существенному разрыву между смертностью и рождаемостью. Суммарный коэффициент рождаемости упал ниже простого воспроизводства, что также будет способствовать сокращению населения. Вместе с тем рождаемость здесь ближе к воспроизводству,

чем в Сербии, население в целом заметно моложе, поэтому масштабы сокращения населения в ближайшие десятилетия не будут такими катастрофическими, как в этой стране. Однако из-за очень небольшого числа жителей Черногория никак не сможет смягчить крайне негативные демографические тенденции всего сербского народа на Балканах.

Что касается различий в уровне рождаемости у Сербии и Черногории, можно сказать, что, по данным полевых исследований, черногорцы объясняли свою заметно более высокую рождаемость тем, что у них гораздо более сильны национальные традиции и установки на большую семью, чем у сербов. А на падение рождаемости в Сербии в 1990-х и начале 2000-х гг. оказала влияние политическая нестабильность и очень большая угроза военных конфликтов, сохранившаяся и в 2000-х гг. в связи с нестабильной ситуацией в Косово, которая вызывала беспокойство у заметной части населения. В Черногории экономическая обстановка была в тот период значительно лучше, и негативное влияние нестабильности оказалось не таким большим (Анзель 2014).

Республика Сербская. Необходимо также рассмотреть демографическую динамику Республики Сербской. По опубликованным летом 2016 г. результатам переписи 2013 г., в ней сербы составляют 1001,3 тыс., или 81,5 % населения (Agencija... 2016). Однако по словам демографа С. Пашалича, результаты переписи фальсифицированы; в частности, к населению РС прибавлено 50 тыс. реально не живущих в ней людей, в основном это боснийские мусульмане. Поэтому реально доля сербов в республике может достигать до 85 % (рассчитано по: *Ibid.*; Mondo 2016a). В 1996 г. она составляла даже 97 % (Vašić Hrvatin *et al.* 2008), поэтому демографическая динамика этого государственного образования практически полностью определяется демографическими процессами сербского народа. Поскольку переписей здесь очень долгое время не проводилось, данные основываются исключительно на текущем учете демографических событий.

В марте 1996 г., когда появляются первые статистические данные, население РС (без округа Брчко) составило 1391,6 тыс. человек, в том числе 971,7 тыс. людей жили здесь до войны, а 419,9 тыс. (30,2 %) составляли беженцы и перемещенные лица. В 1997 г. насе-

ление достигло 1409,8 тыс. человек. К 2001 г. оно выросло до 1491 тыс., в том числе за счет естественного прироста на 6,1 тыс., а на 75,1 тыс. – за счет миграции. Рождаемость упала с 13,8 тыс. (9,8 ‰) в 1997 г. до 13,7 тыс. (9,2 ‰) в 2001 г., а смертность увеличилась с 11,8 тыс. (8,3 ‰) до 13,4 тыс. (9 ‰), в результате чего прирост населения фактически прекратился. Младенческая смертность упала с 11,3 ‰ до 5,3 ‰ за те же годы, и ее доля в общей смертности стала крайне незначительной. В 2001 г. 80,4 % умерших составили люди 60 лет и старше, что говорит об основополагающей роли старения населения в смертности (Республички... 2002).

В 2002 г. численность населения РС была несколько пересмотрена в сторону уменьшения и оценена в 1455,4 тыс., после чего сократилась до 1443,7 тыс. в 2006 г. и 1433 тыс. в 2010 г. Рождаемость за это время упала с 12,3 до 10,1 тыс., или с 8,5 ‰ до 7,1 ‰, а смертность выросла с 13 до 13,5 тыс., или с 8,9 ‰ до 9,4 ‰. Естественная убыль населения достигла 3,4 тыс. в год (Республички... 2007; 2011). Таким образом, Республика Сербская вступила в фазу открытой депопуляции, а значит, и ускоренного старения населения, которое будет дополнительно ускорять депопуляцию. К 2014 г. население сократилось до 1421,3 тыс., а его убыль в том же году составляла 5,1 тыс. Младенческая смертность опустилась до 3,1 ‰. Рождаемость продолжила сокращаться до 9,3 тыс., или 6,6 ‰, смертность же достигла 14,4 тыс., то есть 10,1 ‰. Роль старения населения в ней еще более возросла: лица 60 лет и старше составляли 86,3 % всех умерших. Население с 2002 г. сократилось на 33,5 тыс. человек. Если бы не было миграционного прироста (4,5 тыс.), население сократилось бы на 38 тыс., – именно такой была его естественная убыль, начавшаяся как раз с 2002 г. (Республички... 2015).

Если разделить общий коэффициент смертности на две части, то его первая часть, относящаяся к смертности людей до 60 лет, за 2001–2014 гг. заметно снизилась – с 1,8 до 1,4 ‰, то есть на 0,4 ‰. Но его вторая часть, у людей старше 60 лет, выросла с 7,2 до 8,7 ‰, или на 1,5 ‰, то есть в 4 раза больше, чем снижение смертности у более молодых людей. Отсюда и повышение общего коэффициента смертности: снижение смертности в молодом и зрелом воз-

расте компенсировало его рост у пожилых и старых всего на 27 % (для сравнения в Черногории – на 25 %). Таким образом, резервы по понижению смертности среди людей до 60 лет и в РС, и в Черногории практически исчерпаны, а общий показатель смертности людей старше 60, судя по тенденциям, будет только расти. Среди людей этого возраста очень сложно снизить по возрасту смертность, особенно учитывая скудные финансовые ресурсы Республики Сербской. Поэтому остановить ее рост, а значит, и рост общего коэффициента смертности (а его увеличение означает не что иное, как стремительно ускоряющееся вымирание населения), можно будет только снижением доли пожилых во всем населении, то есть радикальным повышением рождаемости.

Но в реальности происходит нечто полностью противоположное. РС оказалась мировым лидером по низкой рождаемости, уступая даже Гонконгу, где в 2013 г. была зафиксирована рождаемость 7,9 ‰. Но там она компенсировалась очень низкой смертностью – 6 ‰, благодаря чему наблюдался даже некоторый естественный прирост (World Bank 2016). В отличие от Гонконга для РС характерна очень высокая смертность, которая создает естественную убыль населения, приближающуюся к 4 ‰ в год⁷. Суммарный коэффициент рождаемости здесь также беспрецедентно низок, составляя 1,08 в 2002 г. и 0,9 в 2007 г. (Маринковић и др. 2008), то есть он более чем в 2 раза ниже уровня, необходимого для того, чтобы население не сокращалось. Благодаря этому РС стремительно затягивается в воронку демографической катастрофы.

Нужно добавить, что приведенные выше демографические показатели РС на самом деле должны быть существенно пересмотрены в худшую сторону, поскольку по скорректированным С. Пашаличем результатам переписи населения Боснии и Герцеговины численность населения этого образования оказалась равна всего 1178,7 тыс., то есть на 242 тыс., или на целых 17 % меньше, чем указано в официальной статистике (Mondo 2016a). Но даже в этом

⁷ Самые новые данные 2015 г. показывают резкое ускорение убыли населения. Хотя рождаемость осталась на том же уровне (9,4 тыс.), смертность резко повысилась до 15,1 тыс., и в результате убыль выросла до 5,7 тыс. человек, или 4 ‰. Повышение смертности полностью произошло за счет людей старше 60 лет (с 12,4 в 2014 г. до 13,1 тыс.), тогда как число умерших до 60 лет не изменилось (2 тыс.). То есть причиной роста числа смертей является исключительно «постарение» возрастной структуры (Республики... 2016).

случае рождаемость все равно не превысит 7,9 ‰ и останется на уровне Гонконга. А вот смертность поднимется до 12,2 ‰. Общая убыль населения за весь период в РС составила 44 тыс. человек, или же 3,7 % населения, что меньше, чем в Сербии, но все равно очень много для такой небольшой территории.

Нужно сказать, что из-за неопределенности общей численности населения Республики Сербской и недостоверной информации переписи 2013 г. вот уже 25 лет не существует точных данных о возрастной структуре (беспрецедентный случай не только для Европы, но и для подавляющего большинства стран мира), а значит, нельзя вычислить показатели возрастных коэффициентов смертности и продолжительности жизни и приходится пользоваться очень грубыми общими коэффициентами.

Естественный прирост в последние годы наблюдался только в столице Республики Сербской – г. Баня-Луке. Но и там он только с 2011 г. по 2014 г. упал с 223 до 49 человек, то есть практически до незначительного уровня (Республички... 2015). Столица сама находится на пороге депопуляции, скорее всего, уже начавшейся в конце 2016 г., когда пишутся эти строки, но при этом она демографически гораздо благополучнее, чем остальная РС.

Очень ярким и иллюстративным выглядит сравнение демографической динамики РС с боснийскими сербами несколько десятилетий назад (это примерно то же самое население). Их общий коэффициент рождаемости по сравнению с 1971 г. снизился в 2,2 раза, с 1961 г. – в 3,4 раза, а с 1953 г. (36,9 ‰) даже в 4,7 раза! Смертность же в сравнении с 1971 г., когда наблюдался ее самый низкий уровень (6,3 ‰), выросла в 1,9 раз. Всего за полвека боснийские сербы перешли от демографического взрыва – рост 19,6 ‰ в 1953 г. – к очень большой естественной убыли населения (рассчитано по: Spasovski *et al.* 1995). Благодаря этим разнонаправленным движениям рождаемости и смертности в этом сербском территориальном образовании тоже образовался «демографический крест», верхний правый край которого (то есть смертность) будет со временем все сильнее устремляться вверх.

В октябре 2008 г. в РС был проведен опрос 1535 рожениц, который дал очень интересные результаты. У 54,4 % рожениц был всего один ребенок, у 33,7 % – 2, у 9,4 % – 3, и только у 2,3 % – более 3. 68 % хотели бы еще детей. Желаемое число детей для кон-

кретной семьи составило в среднем 2,73 ребенка, а идеальное (то есть ответ на вопрос, сколько лучше всего иметь детей вообще, без учета личной ситуации) – 2,83. 60 % женщин хотели бы иметь 3 и более детей. Среди конкретно ответивших на вопрос, почему не достигнуто желаемое число детей, 47,5 % указали тяжелое материальное положение, 15,4 % – жилищные проблемы, 12,8 % – проблемы со здоровьем. По мнению 91 % опрошенных, на снижение рождаемости влияют экономический кризис и безработица, по мнению 77 % – плохие жилищные условия, 70 % – недостаточная финансовая помощь государства, 53 % – неуверенность в будущем и политическая ситуация, 42 % – недостаточное количество/качество детских садов. Среди самых популярных мер, которые способствовали бы росту рождаемости, опрашиваемые (в каждом случае по 80–89 %) назвали пособие, которое увеличивалось бы для каждого последующего ребенка, уменьшение НДС на детскую одежду, обувь, питание и т. д., льготные кредиты и субсидии для семей с детьми, решение их жилищных проблем, гибкий рабочий график для родителей малолетних детей, финансовые льготы для образования детей из многодетных семей, преимущество при устройстве на работу матери или обоих родителей с детьми. В случае введения этих мер для 38 % женщин они бы стали частью основных жизненных потребностей. 22 % женщин родили бы желаемое число детей, 11 % – вероятно, родили бы еще одного ребенка, 11 % родили бы следующего ребенка как можно скорее, и только 7 % не стали бы больше рожать (Маринковић и др. 2008).

РС страдает от депопуляции вот уже 14 лет. Причем рождаемость здесь упала до чрезвычайно низкого уровня, не зафиксированного ни в одной стране мира, что через какое-то время неизбежно приведет к стремительному росту в населении пожилых и старых людей с очень высоким коэффициентом смертности, взрывному росту общей смертности и катастрофическому ускорению убыли населения.

Демографические процессы в Сербии, Черногории и Республике Сербской на мировом фоне

Анализ естественного движения населения следует дополнить данными, показывающими, как выглядят территории с сербским боль-

шинством на мировом фоне. Для этого будет использоваться статистика Всемирного банка (данные на 2014 г.). Поскольку Республика Сербская не является международно признанным государством, ее показатели учитываются в составе Боснии и Герцеговины. Но для нашего анализа представляется необходимым взять из других источников данные и по ней, которые, правда, есть только по общим коэффициентам.

Конечно, из предыдущих данных можно было получить представление, что демографическая ситуация в странах и на территориях с сербским большинством очень неблагоприятна. Но мало кто, даже среди демографов, представляет себе, насколько же она катастрофическая и бедственная на мировом фоне. Вот как выглядит ситуация по общему коэффициенту рождаемости. В 2014 г. Черногория заняла 153-е место (11,6 ‰), а Сербия – 190-е (9,3 ‰). Республика Сербская заняла последнее 201-е место (7,9 ‰); ее обогнал даже Гонконг (8,6 ‰), давно известный своей крайне низкой рождаемостью. Странами-соседями Сербии в рейтинге оказались ее соседи на карте: Болгария (9,4 ‰), Хорватия (9,3 ‰) и Румыния (9,2 ‰). По общему коэффициенту смертности в том же 2014 г. Черногория заняла 163-е место (10 ‰), Республика Сербская – 183-е (12,2 ‰, между Гвинеей-Бисау и Южно-Африканской Республикой), а Сербия – 195-е (14,2 ‰). Ниже нее оказались только Латвия и Украина с много пьющим населением и пораженные СПИДом государства Тропической Африки, а замыкала список Болгария. Но даже в Болгарии коэффициент смертности (15,1 ‰) мало отличался от сербского. По естественному приросту населения ситуация у сербских стран и территорий была по сравнению с остальным миром абсолютно безнадежной. Черногория занимала 170-е место (всего 1,6 ‰ по сравнению с 6,1 ‰ в соседней Албании, хотя и она расположилась только на 138-м месте), Республика Сербская – 199-е (–4,3 ‰), Сербия – 200-е (–4,9 ‰). На самом последнем 201-м месте оказалась Болгария, но ее коэффициент убыли (–5,7 ‰) лишь немного превышал сербский. Вообще из 18 стран и территорий, где население сокращается, 14 находятся в Восточной Европе, но РС, Сербия и Болгария резко выделяются в худшую сторону даже на крайне неблагоприятном восточноевропейском фоне, занимая последние 3 места в мире по убыли населения. То

есть сравнение с остальным миром четко показывает, что демографическая ситуация здесь является худшей и наиболее угрожающей во всем мире. Ситуация усугубляется еще и тем, что эти страны и территории совсем не богаты и у них нет таких средств, как у стран Запада и у России, чтобы улучшить демографическую динамику (Рис. 1, 2).

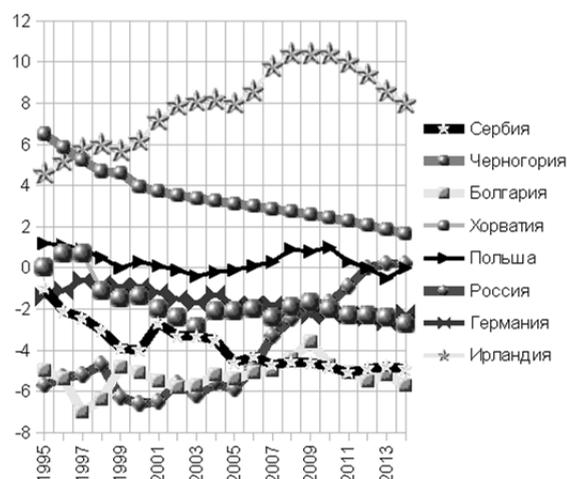

Рис. 1. Естественный прирост населения, на 1000 человек, 1995–2014 гг.

Источник: World Bank 2016.

Как видно из Рис. 1, ситуация в Сербии с конца 1990-х гг. резко ухудшилась на фоне некоторых других европейских государств, что особенно контрастирует с успехами России, которой удалось с начала 2000-х гг. до 2013 г. превратиться из страны с колоссальной убылью населения в страну, где население растет. Черногория же медленно, но неотвратно приближается к убыли. А наиболее благополучная ситуация – у Ирландии, где в 2007–2011 гг. рост населения достигал 1 % в год.

Вот данные по суммарному коэффициенту рождаемости, точнее отражающему ее истинный уровень, в 2014 г. (в РС суммарный коэффициент рождаемости был грубо оценен на основании предположения, что его отношение к общему коэффициенту такое же,

как и в Боснии и Герцеговине). Черногория с 1,69 ребенка на женщину занимала 155-е место, Сербия с 1,43 – 183-е, а Республика Сербская с 1,11 – последнее (201-е).

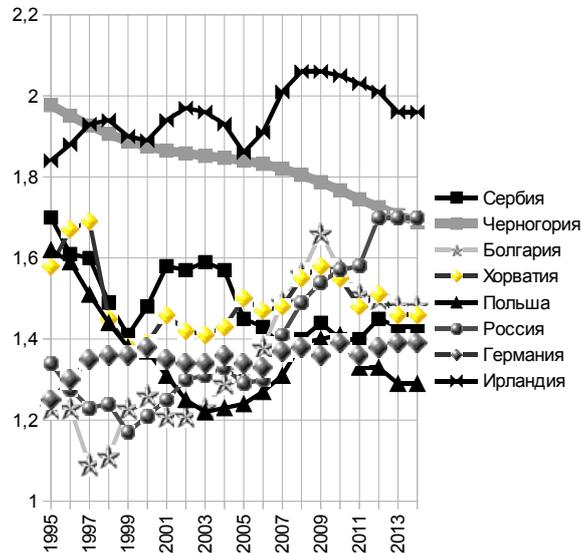

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости, 1995–2014 гг.

Источник: World Bank 2016.

На приведенном выше графике (Рис. 2) видно, что по суммарному коэффициенту рождаемости ситуация в Сербии на фоне Европы весьма неблагоприятная, но не самая худшая. Страна находится на уровне Болгарии, Хорватии и Германии (но следует сказать, что этот уровень катастрофически недостаточен для нормального демографического развития). Гораздо более сильное снижение испытала Польша, где сегодня рождаемость значительно ниже Сербии. Очень быстро падает рождаемость в Черногории, которая еще в 1995 г. значительно опережала Россию, а теперь ей уступает.

По доле детей (до 15 лет) в 2015 г. из 194 стран и территорий Черногория занимала 142-е место (18,7 %), опередив Албанию (18,6 % и 143-е место), а Сербия (данные сербской статистики 2014 г. [Республички... 2015б]) – 169-е (15,2 %); оценка Всемирного банка явно завышена и представляет собой, по всей видимости,

данные по Сербии вместе с Косово. Болгария, несмотря на сходный общий коэффициент рождаемости, по этому показателю заняла только 185-е место (14,1 %), а Босния и Герцеговина – 190-е (13,5 %). Учитывая, что у боснийских мусульман более высокая рождаемость, чем у боснийских сербов, ясно, что в Республике Сербской доля детей могла быть еще ниже, может быть, даже самой низкой в мире. По доле пожилых (65 лет и старше) Черногория находилась на 148-м месте (13,6 %), Сербия (тоже данные сербской статистики 2014 г. [Республички... 2015б]) – на 166-м (15,9 %); оценки Всемирного банка (17,1 %) представляются завышенными, хотя даже в этом случае позиция Сербии почти не изменилась бы (она находилась бы на 168-м месте). Для сравнения: в Хорватии (184-е место из 195 стран и территорий) было 18,9 % пожилых, в Болгарии (189-е место) – 20 % пожилых, а в Греции (193-е место) – 21,4 % (World Bank 2016). Значит, в Сербии доля пожилых не такая большая, как во многих Балканских странах, но по темпам убыли страна все равно находится на втором месте в мире. Это говорит о повышенной смертности пожилых в Сербии.

Теперь посмотрим, как обстоят дела с коэффициентами смертности. Выше были приведены данные по младенческой смертности, но здесь лучше проанализировать смертность детей до 5 лет, поскольку различия между странами по этому коэффициенту гораздо большие, чем по младенческой смертности, а значит, он может более наглядно показать и место сербских стран и территорий. Для Республики Сербской была получена грубая оценка смертности детей до 5 лет (3,5 ‰) на основании количества умерших в этом возрасте и количества родившихся в 2014 г. Так как смертность в возрастах 1–4 года здесь почти исчезла (в 2014 г. зафиксировано всего 4 случая), эта оценка должна незначительно отличаться от реальной цифры, которую невозможно получить до тех пор, пока не будет известна возрастная структура населения этого государственного образования (Республички... 2015). В 2014 г. из 194 стран Сербия находилась на 48-м месте (6,8 ‰), Черногория – на 35-м (5 ‰), а Республика Сербская – на 13-м (3,5 ‰). То есть ситуация по этому показателю была весьма благоприятной. Интересно, что в Республике Сербской этот коэффициент был заметно ниже, чем в Германии (3,8 ‰), Бельгии (4,2 ‰), Франции и Вели-

кобритании (4,4 ‰), а в Сербии – почти таким же, как в США (47-е место и 6,7 ‰), и ниже, чем в России (59-е место и 9,9 ‰), Болгарии (63-е место и 10,9 ‰) и Румынии (66-е место и 11,5 ‰). То есть никакого существенного отставания от развитых стран Запада по этому показателю не было.

Среднюю продолжительность жизни можно проанализировать, сопоставив ее с ВВП на душу населения – основным показателем, используемым для определения экономической мощи и материальной обеспеченности стран (для Аргентины, Кубы, Мальты и некоторых других стран, по которым не было данных по ВВП на душу населения во Всемирном банке, чтобы не исключать их из анализа, были взяты данные ЦРУ за 2014 г., а для небольших стран и территорий – за последний доступный год [СИА 2016]). Всемирный банк дает несколько более высокие оценки ожидаемой продолжительности жизни для Сербии (мужчины и женщины) и Черногории (мужчины), чем данные официальной статистики, но его цифры отличаются незначительно, поэтому представляется возможным их использовать. По средней продолжительности жизни мужчин в том же году из 197 стран Черногория заняла 59-е место (74,1 года), а Сербия – 73-е (72,9 года). По ВВП на душу населения Черногория находилась на 87-м месте (14,5 тыс. долларов), а Сербия – на 93-м (12,7 тыс.), то есть значительно ниже, чем по средней продолжительности жизни (соответственно на 28-м и на 20-м месте), что говорит о заметно более низкой смертности, чем этого можно было ожидать при имеющемся уровне доходов. В Боснии и Герцеговине этот разрыв еще больше (112-е место по ВВП: 9,7 тыс. долларов, но 60-е место по средней продолжительности жизни: 74 года). Вероятно, в РС средняя продолжительность жизни тоже значительно выше, чем это ожидалось бы при ее уровне ВВП. Для сравнения: Болгария и Румыния занимали 77-е и 69-е место по ВВП на душу населения (16,4 тыс. и 19,1 тыс. долларов), но только 86-е и 87-е – по мужской продолжительности жизни (71,7 и 71,6 года). То есть мужчины в странах бывшей Югославии живут дольше, чем в Балканских странах со сходным уровнем доходов, но не входивших в Югославию. Однако существует заметное исключение – преимущественно мусульманская (а значит, малопьющая) Албания, занимающая 109-е место по ВВП на душу населения (10,1 тыс.), но

48-е – по продолжительности жизни мужчин (75,4 года), или на 61 место выше. Однако есть страны, где почти нет мусульман, ВВП на душу населения ниже, чем в Сербии и Черногории, но мужчины живут заметно дольше, например Коста-Рика и Куба (88-е и 100-е место по ВВП на душу населения – 14,2 и 11,7 тыс. долларов, но 38-е и 34-е – по продолжительности жизни мужчин: 77 лет и 77,4 года). Несколько хуже выглядела ситуация и со средней продолжительностью жизни женщин: в 2014 г. среди 197 стран Черногория была на 72-м месте (78,4 года), а Сербия – на 75-м (78,3 года), но это все равно выше, чем их места по ВВП на душу населения. И здесь Коста-Рика и Куба, где женщины живут в среднем 81,9 года (38-е место) и 81,5 года (41-е место), заметно опережают Сербию и Черногорию. А вот Болгария с Румынией по продолжительности жизни женщин (79,3 года и 58-е место, 78,7 года и 65-е место) оказались лучше сербских территорий, и их показатели значительно выше, чем ожидалось бы в соответствии с их ВВП. Можно добавить, что от развитых стран Запада с очень высоким ВВП Сербия отставала по продолжительности жизни мужчин и женщин на 6–8 лет. Например, в Италии, где ВВП на душу населения был выше в 2,6 раз, мужчины жили дольше на 7,4, а женщины – на 6,9 года. В то время как на Кубе с ее ВВП, который в 2,9 раза меньше итальянского, мужчины жили только на 2,9 года меньше, чем в Италии, а женщины – на 3,7 года, и даже в очень бедном Вьетнаме (отстает от Италии по ВВП на душу населения в 6,2 раза) женщины жили только на 4,7 года меньше (World Bank 2016). Все это говорит об очень больших возможностях для повышения продолжительности жизни в Сербии (впрочем, как и в Черногории) даже при нынешнем не очень высоком уровне экономического развития. Но, впрочем, даже предельно высокая продолжительность жизни не может прекратить убыль населения, если суммарный коэффициент рождаемости так и остается значительно ниже простого воспроизводства, как мы видим сегодня на примере стран Запада и Японии. Значит, именно недостаточно высокая рождаемость – ключевая проблема долгосрочного воспроизводства населения (Рис. 3).

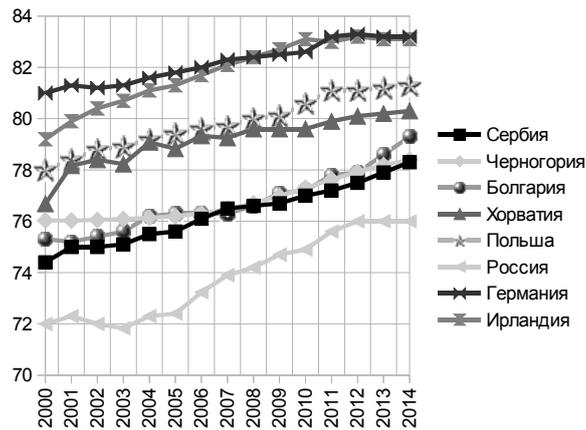

Рис. 3. Средняя продолжительность жизни женщин, 2000–2014 гг.

Источник: World Bank 2016.

График (Рис. 3) показывает серьезное отставание Сербии и Черногории от большинства стран, наблюдавшееся в 2000 г. и сохранившееся к 2014 г. Несмотря на некоторый прогресс, им об уровне Германии, Ирландии и даже Польши остается только мечтать. Болгария, вначале находившаяся между ними, смогла заметно вырваться вперед. Хуже ситуация только в России, которой, впрочем, удалось повысить этот показатель гораздо больше, чем остальным рассматриваемым странам, и значительно сократить отставание от Сербии и Черногории.

По смертности женщин 15–59 лет в 2009 г. (точнее, по доле 15-летних женщин, которые умрут, не дожив до 60 лет, если на протяжении всей их жизни уровень смертности для каждого возраста останется таким же, каким он был зафиксирован в 2009 г.) Черногория с показателем 8,5 % находилась на 72-м месте (то есть в 71 стране доля умерших женщин была ниже), а Сербия (8,7 %) – на 75-м. Для сравнения: в более бедной Албании эта доля была всего 5,3 % (21-е место). В развитых и богатых странах Запада, входивших в первую десятку (Италия, Испания, Швейцария), умирали только 4,2 % женщин, а в Великобритании – 5,8 % (38-е место). Что касается смертности 15–59-летних мужчин в 2009 г., то и здесь си-

туация была далеко не самой благополучной. Черногория занимала 64-е место (14,9 % 15-летних мужчин умирали, не дожив и до 60 лет), а Сербия – 74-е (16,4 %). Албания и здесь значительно обогнала сербские территории, заняв 29-е место (9,8 %). В Великобритании этот процент составил 9,4 %, а в Швеции, Нидерландах и Италии – всего 7,5 %. Интересно, что Ливан (далеко не самая богатая страна мира) смог занять 14-е место с 8,2 % умерших мужчин (как, впрочем, и перегнать Великобританию по женской смертности с показателем 5,75 %), Китай занимал 38-е (10,9 % 15-летних мужчин умирали к 60 годам), а Коста-Рика – 44-е место (12,2 %), что говорит о том, что значительно снизить мужскую смертность в Черногории и Сербии даже при существующем уровне доходов вполне реально (World Bank 2016).

Анализ причин смерти и уровня здравоохранения в Сербии

Важным здесь представляется существенное отставание Черногории и особенно Сербии по средней продолжительности жизни, а также по выживаемости мужчин и женщин 15–59 лет. Поэтому имеет смысл подробнее рассмотреть причины смерти всего населения. Из-за ограниченного объема раздела будет рассмотрена только ситуация в Сербии. Инфекционные и паразитарные болезни, игравшие значительную роль еще в 1950-х гг., окончательно отошли в прошлое (в 2014 г. – 0,6 тыс. случаев и 0,5 % от всех смертей). Внешние причины (убийства, самоубийства, отравления, ДТП и т. д.) занимают очень небольшую долю причин смерти – 3,1 тыс. умерших и 3 % в 2014 г., а значит, не являются серьезной проблемой. Главной причиной смерти являются сердечно-сосудистые заболевания – 48,2 тыс. (56,4 % всех смертей) в 1990 г.; 58,1 тыс. (55,8 %) в 2000 г. и 54 тыс. (53,3 %) в 2014 г. Бросается в глаза стремительный рост умерших от рака по сравнению с остальными крупными классами причин смерти: с 14,5 тыс. в 1990 г. (16,9 % от всех умерших) до 18,1 тыс. (16,8 %) в 2000 г. и 21,8 тыс. (21,5 %) в 2014 г. Причем 4,7 тыс., или 21,4 % всех умерших от рака, умирают рано – до 60 лет, а у людей 30–59 лет от этой причины случается 37,9 % всех смертей – огромная цифра (Республики... 2015б).

Значит, на проблему роста заболеваемости раком и смертности от него, в том числе среди людей среднего возраста, должно быть обращено особое внимание, а ее решение требует весьма значительных средств. Но сегодня расходы на здравоохранение в Сербии очень низки по сравнению с экономически развитыми странами. В 2014 г. они составили 1312,2 тыс. долларов (59-е место в мире из 190 стран), а в Черногории – 888,2 тыс. (85-е место), в то время как в Греции – 2098,1 долларов, в Италии – 3238,9 долларов, во Франции – 4508,1 долларов, а в США (первое место) – 9402,5 долларов. На Кубе, где ВВП на душу населения немного ниже сербского, тем не менее расходы на здравоохранение составили 2474,6 долларов, или почти в 2 раза больше (World Bank 2016). Несмотря на некоторое улучшение в последние годы, система здравоохранения в Сербии занимает всего 30-е место из 35 в Европе, опережая только Болгарию, Румынию, Польшу и Черногорию. Хуже всего в Сербии обстоят дела с предотвращением заболеваний, вызванных курением, высоким кровяным давлением, а также с коррупцией (Mondo 2016b). 30,7 % жителей Сербии, которые нуждались в медицинских услугах (в том числе 39,5 % в Воеводине), не смогли их получить из-за отсутствия денег, удаленности, необходимости долго ждать своей очереди. В 2012 г. из-за нехватки денег не получили медицинскую помощь 18 % населения Сербии, но только 9,6 % населения Румынии, 5,9 % – Болгарии, 2,4 % – Венгрии, 0,8 % – Германии и 0,3 % – Дании (Институт... 2014). Получается, нужно радикально повышать расходы на здравоохранение и увеличивать его доступность. Но сможет ли Сербия с ее колоссальными экономическими проблемами сделать все это за счет собственных ресурсов?

Вероятно, некоторый вклад в рост раковых заболеваний внесло резкое ухудшение экологической обстановки, вызванное варварскими бомбардировками НАТО в 1999 г. Но быстрый рост заболеваемости начался еще до этих событий, значит, за ним стоят главным образом какие-то другие факторы. Вообще есть много факторов риска развития рака, зависящих от самосохранительного поведения человека. Можно выделить сидячий образ жизни, переедание, небольшое потребление овощей и фруктов, алкоголь, а прежде всего – курение, ответственное за 22 % смертей от рака в мире (Щербакова 2013). Все эти факторы, как известно, ведут

и ко многим другим серьезным заболеваниям, особенно сердечно-сосудистым.

В Сербии в 2013 г. было проведено исследование уровня здоровья и образа жизни населения, которое дало неутешительные результаты. Только 50,2 % жителей практиковало ходьбу как минимум полчаса в день, что рекомендовано для поддержания здоровья. 54,4 % населения Сербии недостаточно употребляют фрукты, а 42,9 % – овощи. 21,2 % исследованных в возрасте 15 лет и старше страдали ожирением (заметный рост по сравнению с 17,3 % в 2006 г.), а у 35,1 % было отмечено переедание, близкое к ожирению. Среди людей старших возрастов этот процент был гораздо выше. Например, у людей 45–54 лет 26,4 % страдали от ожирения, а 39,1 % имели избыточный вес (а 65–74 лет – 33 % и 40,9 % соответственно). Среди граждан Сербии 15 лет и старше курили каждый день или иногда 34,7 % (среди 18–64-летних – 41,2 %, 35–44-летних – даже 47 %), а более 20 сигарет за день выкуривали 17,4 %. А ведь курение в странах Европейского региона ВОЗ вызывает 16 % от всех смертей среди людей 30 лет и старше (за счет рака, инфаркта, болезней легких и т. д.). Важно, что 54,4 % населения старше 15 лет было подвержено воздействию табачного дыма в закрытом пространстве, а 47,1 % некурящих волновались за свое здоровье по этой причине. 71,4 % мужчин и 37,7 % женщин хотя бы раз употребляли алкоголь в течение года. Пили очень большое, особо опасное для здоровья количество алкоголя за один прием (к сожалению, в исследовании не было приведено точное значение этой опасной дозы) хотя бы раз в неделю 7,8 % мужчин и 1 % женщин, а хотя бы раз в месяц – 27 % мужчин и 6 % женщин, в том числе 23 % молодых людей и 11 % девушек 15–19 лет, всего – 16 % населения (для сравнения: в Черногории и Румынии в 2010 г. – 11,1 %, в Албании – 11,9 %, а в Болгарии – 29,1 %). 47,5 % жителей Сербии старше 20 лет имели высокое кровяное давление. Только 57,8 % сербов оценили свое здоровье как хорошее по сравнению с 68,9 % жителей ЕС (Институт... 2014). Таким образом, самосохранительное поведение сербов следует признать неудовлетворительным. Но, с другой стороны, это означает, что существуют колоссальные возможности по улучшению здоровья граждан, если они сами изменят свой образ жизни. Необходимо добавить, что

проблема курения исключительно остра и в Черногории, где в 2014 г. в среднем за день выкуривали 11,3 сигареты на душу населения (а значит, курящие выкуривают гораздо больше), по этому показателю Черногория занимает первое место в мире (Safe... 2016).

Что касается употребления алкоголя, в Сербии не наблюдается резкого разрыва в смертности мужчин и женщин, который существует, например, в России и на Украине с их очень серьезными алкогольными проблемами, прежде всего за счет преобладания крепких напитков в структуре потребления, которыми можно набрать опасную дозу за короткое время. В России в 2001 г. потребляли 11 литров крепких напитков на душу населения, и продолжительность жизни была самой низкой в Восточной Европе – 67 лет, тогда как в Чехии – всего 4 литра и 75 лет. Критический уровень общего потребления (любых алкогольных напитков) составляет 8 литров (Коротаев и др. 2007). По данным анкеты о потреблении домохозяйств, в Сербии в 2013 г. на душу населения было выпито 13,6 литра пива, 2,5 литра вина и только 1 литр крепких напитков (в условиях Сербии это, как правило, ракия), то есть всего 17,1 литра (Республики... 2014*е*). Мужской сверхсмертности в Сербии нет, потому что сербы очень мало пьют крепкие напитки. Но уровень общего потребления алкоголя достаточно высок. Одно лонгитюдное исследование свидетельствует о том, что проблема алкогольной смертности все-таки существует. За 1974–1994 гг. из 286 человек 30–60 лет, не имевших в начале исследования хронических заболеваний, умерло 80. Среди участников было 75 сильно пьющих (более 20 граммов алкоголя в день для мужчин и 10 – для женщин), или 26 %. Из них умерло в течение 20 лет 34, или 45,3 % от их общего числа, а из остальных – 46, или только 21,8 %; причем на момент начала исследования люди в этих группах были в среднем одного возраста – 44–45 лет (Jakovljević *et al.* 2004).

Существует очень большой мировой опыт борьбы с курением и алкоголизмом, который показал, что лучше всего работают реальное повышение акцизов на всю алкогольную и табачную продукцию; полный запрет курения в нежилых и жилых помещениях, что приводит к резкому падению уровня госпитализации в связи с инфарктами, а курящие вынуждены курить заметно меньше; запрет

реализации алкогольной продукции утром, ночью и по выходным; серьезное уменьшение количества магазинов и киосков, где продается алкоголь (Коротаев и др. 2010). Все это нужно применить и в Сербии (а также в Черногории и Республике Сербской). Эти меры не только приведут к улучшению здоровья населения, но и позволят получить дополнительный доход для бюджета как за счет акцизов, так и за счет уменьшения заболеваемости и смертности. Также необходимо еще начиная со школы уделять большое внимание профилактике болезней и распространению здорового образа жизни. Все эти дешевые, но эффективные меры могут привести к реальному улучшению ситуации со смертностью и продолжительностью жизни даже без резкого роста расходов на здравоохранение.

Итак, все территории с сербским большинством испытывают колоссальные демографические проблемы: крайне низкую рождаемость, значительное отставание в средней продолжительности жизни от развитых стран Запада, очень большую убыль населения, прежде всего молодых возрастов, и очень быстрое старение населения, которое ведет к заметному росту смертности, усугубляя демографическую катастрофу. Крайне важно (но мало кому известно), что демографическая катастрофа у сербов – одна из самых тяжелых и безнадежных в мире. Ведь Республика Сербская опустилась на последнее место в мире по общей и суммарной рождаемости, а второе и третье место по убыли населения занимают Сербия и та же Республика Сербская (первое место занимает Болгария, чрезвычайно близкая Сербии по национальному происхождению, культуре, языку и религии⁸). Несколько выделяется в лучшую сто-

⁸ Среди россиян (и даже у некоторых крупнейших российских специалистов по Сербии, например А. И. Филимонова) распространено представление, что русский и сербский народ якобы являются единым народом, а сербы – «исторически тот же самый русский народ» (Eurasia... 2016), но на самом деле это совсем не так. Подобная точка зрения резко противоречит реальным фактам. Начнем с того, что для единого народа необходимо общее самосознание и самоназвание основной массы этого народа в качестве отдельной нации; а если рассматривать народ как общность людей, говорящих на одном языке, то для этого необходимо взаимопонимание носителей разных говоров этого языка (Эдельман 1980). Очевидно, что у русских и сербов нет общего самоназвания и самосознания: обычный серб ясно осознает отличие своего народа от русского и вряд ли решится назвать себя русским. Если рассмотреть языковой критерий, то сербские тексты часто бывают достаточно понятны (об этом можно судить в том числе и по заголовкам сербских статей в библиографии данной работы). Но не стоит обольщаться, ведь научный и публицистический стили рус-

рону более традиционалистская Черногория, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что уже половина ее территории охвачена депопуляцией, а число молодежи давно сокращается быстрыми темпами.

Прогноз демографической динамики Сербии и Черногории

Ожидать следует гораздо более худшего. Ведь в пожилой возраст вступают очень многочисленные послевоенные поколения, а в возраст деторождения – очень малочисленные поколения кризисных 1990-х гг. Стоит посмотреть на долгосрочные эффекты нынешней крайне негативной демографической динамики, предположив, что нынешние коэффициенты рождаемости, смертности и эмиграции сохранятся на всем рассматриваемом периоде. Такие прогнозы уже сделаны для Сербии и Черногории. В случае Сербии, при условии, что в стране демографические процессы останутся на уровне 2006–2010 гг., к 2041 г. ее население окажется равно 5,08 млн человек, снизившись с 2011 г. на 2,1 млн, или на беспрецедентные 29,6 % (–1,4 % в год)! При этом число пожилых старше 65 лет почти не изменится (98,6 % от уровня 2011 г.) и составит 23,3 % населения, то есть их доля вырастет сразу в 1,4 раза. А вот число остальных сербов сократится до 3,9 млн (6,0 млн в 2011 г.), или в 1,5 раза

ского и сербского языков возникли при сильнейшем влиянии церковнославянского (древнеболгарского [Толстой 2002]) и в меньшей степени западных заимствований, которые в славянских языках, как правило, получают одинаковые суффиксы и окончания. Значит, высокий уровень понимания таких текстов возможен во многом благодаря внешнему влиянию. А вот в бытовом стиле двух языков встречается очень мало церковнославянизмов, и хотя и здесь можно уловить знакомые слова и даже фразы, но есть очень значительный процент незнакомых элементов, поэтому никакое полноценное общение без переводчика между русским и сербом невозможно. Тогда как сербы и болгары на бытовом уровне вполне могут свободно общаться между собой, правда, существуют отдельные случаи непонимания. С точки зрения ценностей, традиций, фольклора, архитектуры, кухни сербы и болгары почти идентичны (Михайлов 2014), а русские заметно отличаются. Общность сербов и болгар четко видна по сходному уровню экономической модернизации, весьма похожей возрастной структуре, одинаковому демографическому поведению и общим демографическим проблемам. Поэтому если нам хочется отождествить сербов с каким-нибудь народом, то мы можем назвать единым народом сербов и болгар с гораздо большим научным основанием, чем сербов и русских, хотя бы по языковому критерию. Но все-таки следует считать их разными народами, учитывая разную историческую судьбу, более чем тысячелетнюю традицию самостоятельной государственности и, главное, то, что сами они себя считают разными народами: болгарам не придет в голову называть себя сербами, а сербам – болгарам.

(–1,75 % в год). Особенно резко сократится и так небольшое число сербских детей 0–14 лет – до 635 тыс., или 12,5 % населения (в 1,7 раза, или –2,2 % в год). Характерно, что количество умерших за 2011–2041 гг. превысит число родившихся более чем в 2 раза, то есть страна окажется в полном демографическом тупике; всего естественная убыль составит 1,75 млн человек, или 24,2 % населения на 2011 г. (Kupiszewski *et al.* 2012). В Черногории сокращение будет заметно меньше, но все равно катастрофически большим: общее население снизится к 2041 г. до 542,3 тыс., или на 12,5 %, то есть –0,5 % в год; число детей будет равно 81,5 тыс. (–31,6 %, или –1,5 % в год); а число пожилых вырастет до 112,2 тыс. и 20,7 % населения, его рост составит 1,4 % в год. Естественная убыль за период будет равна 36 тыс., или 5,8 % населения (MONSTAT 2014). На примере Черногории хорошо видно, что страна с рождаемостью ниже простого воспроизводства совершенно неспособна сохранить стабильное население в долгосрочной перспективе и рано или поздно впадает в полномасштабную стремительную депопуляцию. Кроме того, учитывая исключительную взрывоопасность Балканского региона и вполне реальную возможность новых кровопролитных войн в нем (Мијалковски 2016) при отсутствии у сербов сколько-нибудь сильной армии в отличие от 1990-х гг.⁹, можно ожидать куда большего сокращения населения, чем указано в прогнозе. Речь идет о самой настоящей угрозе выживанию сербского народа. Потери от убыли населения в Сербии и Черногории приблизятся к 1,8 млн человек, а всего начиная с 1992 г. составят порядка 2,5 млн (или около 44 % от населения в 2041 г.) и окажутся на уровне суммы жертв Первой и Второй мировых войн. В Юго-Восточной Сербии, уже сейчас страдающей от, возможно, сильнейшей в мире депопуляции, к 2041 г., по всей видимости, может почти не остаться детей и молодежи.

⁹ Армия Сербии и Черногории, военный потенциал которой не смогла сколько-нибудь значительно подорвать даже агрессия НАТО, после революции 2000 г. была резко ослаблена и сокращена, генералы, активно участвовавшие в защите страны от агрессии, уволены, а значительная часть вооружения распродана или уничтожена (Јевтовић 2015), что в условиях сохранения многочисленных угроз вокруг страны (в числе главных – откровенно враждебная власть в Косово) напрямую противоречит логике и здравому смыслу.

Экономическая ситуация в Сербии, Черногории и Республике Сербской на фоне депопуляции

Ясно, что, несмотря на все проблемы смертности, главной причиной в воспроизводстве населения у сербов является все-таки крайне низкая рождаемость, вот уже 60 лет не обеспечивающая даже простого воспроизводства. Но на государственном уровне в Сербии, Черногории и РС отсутствует какая-либо целенаправленная комплексная политика увеличения рождаемости. В то же время ряд стран Западной Европы сумел за счет проведения весьма дорогостоящей семейной политики (выплаты и пособия для семей, где есть дети, субсидирование детских садов, яслей, нянь, гибкий график для работающих матерей, решение жилищных проблем семей, оплата декретного отпуска) несколько повысить рождаемость, приостановить убыль населения и даже обеспечить его некоторый рост [Коротаяев и др. 2010]). Заметно поднять рождаемость удалось в последние годы и России с помощью финансового стимулирования: благодаря «материнскому капиталу» число вторых и третьих детей возросло с 2007 по 2012 г. на 40 % (Российская газета 2014).

Однако такой путь для Сербии, Черногории и Республики Сербской представляется в настоящее время нереалистичным. Ведь основной проблемой всех сербских территорий в настоящее время являются отсутствие свободных денежных средств из-за крайне тяжелого экономического положения. В Сербии происходит стремительный упадок ключевых отраслей промышленности: только с 2008 по 2012 г. число занятых в химической промышленности упало с 38,8 до 19,2 тыс., в автомобилестроении – с 36,6 до 13,9 тыс. (почти в 3 раза!), в машиностроении – с 38,8 тыс. до 23,2 тыс. человек 180 тыс. рабочих не получают плату от своих предприятий, 320 тыс. пенсионеров (27 % от общего их числа) не имеют права на пенсии, 15 % населения недоедает, по уровню потребления страну опережает беднейшая область в Китае. Эта динамика во многом связана с тем, что правительство Сербии старается как можно быстрее вступить в ЕС, соглашаясь на все условия еврокомиссаров и не просчитывая их последствия, которые иногда откровенно вредны для экономики (Филимонова 2013). Уровень безработицы вырос с 14 % в 2008 г. до 24,7 % в 2013 г., внешний долг – с 26,2 млрд долларов в 2007 г. до 33,6 млрд в 2013 г. После того как Сербия

начала односторонне применять Переходное торговое соглашение с ЕС, доходы от таможенных пошлин снизились с 829 млн евро в 2008 г. до 243 млн в 2015 г. После резкого обострения отношений с Россией ЕС в 2014 г. потребовал от Сербии не принимать меры по повышению экспорта сельскохозяйственной продукции в Россию вместо европейской, попавшей под российские контрсанкции, и Сербии пришлось послушаться (Мировић 2015). Похожая ситуация наблюдается и в Черногории, где внешний долг с 2006 по 2013 г. вырос с 0,65 до 1,7 млрд долларов, безработица – с 14,7 % в 2007 г. до 19,1 % в 2012 г., внешнеторговый дефицит – с 0,4 млрд долларов в 2003 г. до 1,9 млрд в 2012 г. Черногория добровольно присоединилась к антироссийским санкциям ЕС, что принесло значительный экономический ущерб (Мировић 2014). Экономическое положение РС, которая также стремится в Евросоюз, еще более отчаянное. Там в 2014 г. ВВП на душу населения был в 1,14 раза ниже, чем во всей Боснии и Герцеговине, вырос он всего на 0,4 %, внешнеторговый дефицит оказался равен –25,5 % ВВП, а уровень безработицы был одним из самых высоких в мире – 37,7 % (IRBIS 2014). Хотя в последнем случае, безусловно, весьма серьезно сказались последствия войны, хаоса, всеобщих переселений и массовых разрушений 1990-х гг.

Таким образом, экономики Сербии, Черногории и Республики Сербской на современном этапе совершенно не готовы к вступлению в ЕС, и уже на стадии вступления экономическая ситуация в них резко ухудшилась. Может быть, в таких условиях имело бы смысл отложить путь в ЕС, до того как экономики достигнут такого уровня развития, когда экономическая выгода будет больше, чем потери, и обратить внимание на возможности экономической интеграции в рамках бывшей Югославии? Однако сербская власть, по словам президента Томислава Николича, настроена решительно продолжать вступление в Евросоюз, несмотря ни на что (Принцип 2016). Недавно президент РС Милорад Додик назвал присоединение к ЕС основной целью Республики Сербской (СНСД 2016). Поэтому шансов на экономическое оздоровление у этих территорий в ближайшем будущем нет. Черногория, как известно, не только не собирается прекращать евроинтеграцию, но и вступает в НАТО.

Учитывая нарастающую бедность рассматриваемых стран и территорий при тяжелейшем демографическом кризисе, который

сам по себе будет способствовать усугублению бедности, прежде всего за счет резкого роста процента нетрудоспособных (пожилых и старых) людей и стремительного сокращения молодых трудоспособных когорт с наиболее высокой производительностью труда, очевидно, что они остро нуждаются в международной помощи для финансирования весьма дорогостоящих, но жизненно необходимых демографических программ.

Здесь уместно сравнить эти страны со странами на другом «демографическом полюсе» и с совершенно другими проблемами: это страны, где наблюдался демографический взрыв и особо быстрый рост городской молодежи, на фоне чего в них произошли катастрофические внутренние военные конфликты. В некоторых из них масштаб потерь был колоссален – погибло несколько миллионов человек (2,5 млн в Камбодже с 1970 по 1991 г.; от 2 до 7 млн в ходе «культурной революции» в Китае с 1966 по 1969 г.). Но все те страны, где погибло особо большое число людей – более 100 тыс. – и где конфликт уже закончился, восстановили свою численность населения за несколько лет и, более того, прибавили к нему очень большой прирост (за существенным исключением в виде Боснии и Герцеговины, где рождаемость значительно ниже простого воспроизводства). Во множестве случаев естественный прирост буквально за несколько лет после конфликтов оказался в несколько раз выше числа жертв. Очень яркий пример представляет собой Руанда, где в гражданской войне погибло 13 % населения (беспрецедентный случай для сегодняшнего времени), но за 20 лет ее прирост (4,3 млн) оказался в 5 раз больше числа погибших. Даже в Демократической Республике Конго с исключительно большим количеством жертв (3,8 млн, или 6 % населения) после 2009 г. всего за 5 лет естественный прирост оказался в 3 раза больше – 11,4 млн (Коротаяев и др. 2010; World Bank 2016).

По фундаментальным гуманитарным соображениям необходимо признать, что такие демографические катастрофы с их массовыми лишениями, страданиями, полномасштабной преждевременной гибелью людей выглядят намного страшнее депопуляции, при которой никаких конфликтов и гражданских войн не происходит и обычная жизнь людей никак не нарушается. Но все же надо иметь в виду важную вещь. Сербскому народу, в отличие от наро-

дов развивающихся стран с их высоким ростом числа молодежи, конечно, не грозит опасность внутренней гражданской войны с большим количеством жертв. Даже если гражданская война по каким-то причинам и случится, то она, учитывая крайне низкую долю молодежи, приведет к очень небольшому числу жертв. Но тем не менее сербам грозит значительная опасность, которая гораздо серьезнее кровопролитных демографических катаклизмов, – исчезновение. Поэтому с точки зрения динамики численности населения бескровный и незаметный для рядовых граждан процесс депопуляции несравнимо опаснее даже особо крупных демографических катастроф, если они происходят в развивающихся странах с высокой рождаемостью, которая в скором времени с лихвой компенсирует все потери. Депопуляция, не принося никаких видимых страданий народу, реально тихо его убивает, сокращая в конечном итоге в несколько раз, как мы уже видели в прогнозе по Сербии. Крайне важно, что процент убыли населения при долгосрочной депопуляции в несколько раз больше, чем процент умерших от самых разрушительных катастроф нашего времени. В Сербии к 2041 г. эта убыль может превысить 24 %, но на этом депопуляция не остановится и в дальнейшем станет еще сильнее. То есть долгосрочный эффект естественной убыли на динамику населения в десятки и сотни раз разрушительнее кровопролитнейших конфликтов в современных развивающихся странах. Именно поэтому, если мы смотрим с точки зрения выживания народа, демографические проблемы сербов и черногорцев (а также болгар, поляков и всех народов, у которых долгое время наблюдается особо низкий суммарный коэффициент рождаемости) несравнимо серьезнее проблем развивающихся стран Тропической Африки с высочайшим риском политической нестабильности и кровопролитных конфликтов. Ведь те имеют все шансы восстановить и даже умножить свое население, а сербы будут исчезать со все большей скоростью. О международной помощи развивающимся странам с особо высоким риском потрясений много говорят и пишут, но никто не говорит о помощи сербам в борьбе с вымиранием. Постановка вопроса о международной помощи сербскому народу критически необходима.

Долгосрочная динамика доли Сербии и Черногории в населении мира

Интересно рассмотреть изменение доли сербов в мировом населении с конца XIX в. Но дело в том, что точных данных по сербскому народу за такой промежуток времени найти невозможно. Поэтому расчет будет произведен только для территорий с сербским и черногорским большинством, по которым есть оценки с конца XIX в.: Сербии и Черногории (естественно, в современных границах, но без Косово). Учитывая, что в Сербии всегда была высока численность национальных меньшинств, которая могла быть приблизительно на том же уровне, что и число сербов в Хорватии и Боснии, можно предположить, что численность населения этих территорий может быть очень сходной с численностью всех балканских сербов и черногорцев. Данные по населению сербских территорий и их прирост рассчитаны по: Demographic... 1974 и приводившимся выше переписям, а оценки населения мира и его рост – по: Кретег 1993; World Bank 2016. Население мира на 1880 г. рассчитано на основе тренда 1875–1900 гг., а на 1953 г. – тренда 1950–1960 гг.; за 1900–1910 гг. условно принят прирост мирового населения в 1 % в год. Из населения 2011 г. для сопоставимости данных были вычтены беженцы из Косово.

В результате получается, что доля Сербии и Черногории в населении мира в 1880 г. была равна 0,24 %, а в 1910 г. достигла пика – 0,28 %. Прирост сербов был несколько выше, чем остального мира – 1,4 % против 0,8 %. В 1921 г. их доля из-за катастрофической Первой мировой войны упала до 0,26 %, но в 1953 г., несмотря на колоссальные потери во Второй мировой войне, почти не изменилась (0,25 %). Значит, естественный прирост сербских территорий в мирные годы, очевидно, был очень высоким, настолько, что оказался гораздо больше огромных военных потерь. И поэтому в целом за весь период они росли достаточно быстрыми темпами, примерно такими же, как и остальной мир (1,1 % и 1,2 %). Но за спокойное и благополучное двадцатилетие к 1971 г. эта доля резко падает до 0,206 % в связи с существенным ускорением роста населения мира (точнее, развивающихся стран, где живет большинство людей) – до целых 2 % в год, что сопровождалось резким падением роста населения в Сербии и Черногории – до 0,8 % в год. В 1991 г.

эта доля снизилась до 1,57 % по методологии 1991 г. (рассчитано по: Завод... 2005б; Републички... 2014б) и 0,152 % по методологии 2002 г. (мир рос темпами 1,8 %, а сербские территории – 0,4 %). К 2011 г., когда у сербов наблюдалась открытая убыль населения (–0,3 % в год за 1991–2011 гг.), а мир рос заметно снизившимся, но все еще высоким темпом 1,3 % в год, доля Сербии и Черногории упала всего до 0,11 %. Таким образом, удельный вес сербских территорий в мире только за 40 лет (1971–2011 гг.) снизился в 2 раза, а за последние 100 лет – в 3 раза, что наглядно иллюстрирует колоссальные масштабы их демографического кризиса на фоне быстрого роста населения Земли. А как выглядела доля Сербии и Черногории среди стран европейской цивилизации, давно завершивших демографический переход (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, вся Европа кроме Албании и Косово)? В 1971 г. их доля среди таких стран составляла 0,85 %, в 1991 г. – 0,82 % и 0,8 % по разным методологиям, а в 2011 г. – резко упала до 0,69 % (в 1,2 раза). То есть мы видим, что эта доля заметно снизилась даже в населении стран с низкой рождаемостью. Но следует сказать, что и сам процент населения европейской цивилизации резко снизился в общем населении мира – с 24,1 % до 15,9 % за эти 40 лет, или в 1,5 раза. А доля сербо-черногорской части этой цивилизации за это же время в мировом населении сократилась намного сильнее (в 1,9 раза), демонстрируя особо негативную, безнадежную динамику. К тому же стремительно растет разрыв в темпах роста населения между Сербией и Черногорией и остальным миром, а также между этими двумя странами и государствами с низкой, но стабильной рождаемостью. Если в 1880–1910 гг. сербы и черногорцы по росту населения опережали мир на 0,6 процентных пункта, то уже в 1921–1953 гг. отставали на 0,1 пункта. Перелом произошел в 1953–1971 гг. – сербы стали отставать сразу на 1,2 пункта, в 1971–1991 гг. – на 1,4, а в 1991–2011 гг. – на 1,6 пункта. И это колоссальное увеличение разрыва происходит в условиях стремительного снижения темпов роста в мире с 1970-х гг.! Отставание от стран европейской цивилизации тоже выросло – с 0,2 до 0,7 пункта за два последних двадцатилетия. По этим цифрам отлично видно, что демографическая катастрофа,

развернувшаяся у сербов, необычайно серьезна и чрезвычайно разрушительна.

Можно также рассчитать долю Сербии и Черногории в мировом населении на 2041 г., используя приведенные выше прогнозы. По прогнозу ООН, в 2041 г. население мира составит 9,22 млрд. Доля Сербии и Черногории в нем будет в 2 раза меньше, чем в 2011 г.: всего-то 0,06 %. Рост населения мира составит 0,9 %, сербы и черногорцы будут сокращаться на 1,1 %, и разница составит 2 процентных пункта. Их доля среди стран европейской цивилизации, которые фактически остановят свой рост, в 2041 г. тоже резко упадет – до 0,48 %, или в 1,4 раза, а разница в приросте повысится до 1,3 пункта, что почти в 2 раза больше, чем в предыдущем периоде (рассчитано по: UN Population Division 2016). Итак, доля Сербии и Черногории в населении мира за ближайшие 25 лет снизится в 2 раза, а всего с 1910 г. по 2041 г. – сразу в 5 раз, что представляет собой абсолютно катастрофическую, аномальную величину. Резко уменьшится доля сербов даже среди государств с низкой рождаемостью и крайне медленным ростом населения (в 2 раза за 70 лет). Другими словами, динамика Сербии и Черногории крайне удручающая даже на фоне самой демографически неблагополучной части мира. Данное обстоятельство должно стать сигналом для всех местных общественных и политических организаций, которых действительно волнует демографическое будущее своих стран, о том, что необходимо забыть о разногласиях и начать сотрудничество, активно обсуждая демографическую проблему и стараясь совместными усилиями остановить исчезновение своего народа.

Пути выхода из демографического кризиса

Необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство, а именно – на очень широкую распространенность абортов в Сербии (по Черногории и РС данные представляются крайне заниженными, а оценок реального числа абортов нет). Еще в первой половине XX в. у большинства сербов появилась потребность ограничивать рождаемость, однако у них преобладали традиционные и неэффективные способы контрацепции, очень часто приводившие к нежеланной беременности. Поэтому сербки стали массово делать аборты, количество которых еще в Королевстве Югославия в 1935 г.

оценивалось в 300 тыс. – колоссальная цифра для того времени. Относительно полный учет аборт в Сербии (с Косово, где, впрочем, коэффициент аборт был в несколько раз меньше остальной Сербии) существует с 1969 г. Число прерываний беременности выросло с 162,6 тыс. в 1969 г. до 214,8 тыс. в 1985 г., а к 1989 г. снизилось до 193,8 тыс., причем 90 % женщин были замужем, а у 22,4 % было 4 и более аборт в анамнезе. В Центральной Сербии на 1000 женщин репродуктивного возраста приходилось 95,1 аборт, а в Воеводине – 74,1. По официальным данным, число аборт упало до 42,3 тыс. в 2000 г. и 24,3 тыс. в 2007 г.

Однако на самом деле произошло не резкое снижение аборт, а резкий рост их недоучета, поскольку появилась целая сеть частных клиник, не предоставлявших никаких данных об абортах. По оценке, в 2006 г. суммарный коэффициент аборт составил 2,76 и был в 2 раза выше суммарного коэффициента рождаемости и вообще одним из самых высоких в мире (Rašević 2008). Аборт является крайне нежелательным методом контроля рождаемости и часто приводит к тяжелым последствиям, являясь важным фактором бесплодия, выкидышей, преждевременных родов. Очень тяжелы и его психологические последствия: около 45 % сербских женщин долгое время после аборт воспринимают его как очень тягостное событие, воспоминания о котором приносят большое беспокойство. В то же время рынок эффективных контрацептивов развит недостаточно, и эффективную контрацепцию применяют только 6,1 % девушек до 20 лет и 11,6 % – 20–24 лет, находящихся в стабильных партнерских отношениях. Аборт весьма широко распространен даже среди самих работников здравоохранения, особенно гинекологов: в начале 1990-х гг. среди белградских гинекологов или их партнерш 59 % сделали хотя бы один аборт (Rašević, Sedlecki 2011). Есть еще один страшный аспект аборт. По лонгитудному (25 лет) исследованию, проведенному в Дании, где участвовали все женщины репродуктивного возраста, женщины, прошедшие через процедуру аборт, имеют куда более высокую смертность, чем те, которые рожали, а не делали аборт. Женщины, которые сделали один аборт, умирали на 45 % чаще, чем те, у которых не было аборт в анамнезе. Те, которые сделали 2 аборт, умирали на 114 % чаще, а у кого было 3 и более аборт – даже на 192 %. Еще худшие результаты были получены в 1997 г. в Фин-

ляндии. Там женщины на следующий год после аборта умирали в 4 раза чаще, чем те, которые родили ребенка (Elliot... 2012). А ведь речь идет о самых развитых странах мира, где аборт проводится в максимально комфортных условиях и где женщинам, которые идут на аборт, оказывается медицинская помощь очень высокого качества. Поэтому в бедной Сербии последствия аборт могут быть еще тревожнее.

В 2006 г. только 18,6 % женщин, у которых были постоянные партнеры, использовали современную контрацепцию. Огромное количество женщин боится последствий современной контрацепции или категорически ее не приемлет, считая неестественной, и выбирает вместо нее аборт. Вот несколько характерных для Сербии случаев середины 2000-х гг.: студентка биологии, 21 год, 1 аборт; чиновница, 27 лет, 3 аборта; анестезиолог, 36 лет, 3 аборта; юрист, 31 год, 4 аборта; референт, 39 лет, 4 аборта; продавщица, 29 лет, 4 аборта; работница текстильной фабрики, 36 лет, 5 аборт; продавщица, 37 лет, 6 аборт; кинооператор, 30 лет, 6 аборт. Притом все эти женщины выступают резко против современной контрацепции (Рашевић 2007). Подобная ситуация, когда женщины, тем более с высшим образованием, делают по 3–4 аборта, немыслима для стран Западной Европы, где современную эффективную контрацепцию применяют в среднем 70–80 % женщин 15–44 лет, а коэффициенты аборт очень низки на мировом фоне – 14 на 1000 женщин того же возраста в 2008 г. по сравнению с 26 во всем мире и 37 – в Восточной Европе (Singh *et al.* 2009). Как было сказано выше, среди женщин с 3 и более абортами отмечается особо высокая смертность. Не этим ли объясняется очень большое отставание Сербии по женской смертности от стран со сходным уровнем ВВП на душу населения, но очень низким ее уровнем?

В 2015 г. число аборт в Сербии оценивалось в 100–120 тыс. (Aničić, Stanić 2016). Если предположить, что с 1989 до 2015 г. их число снижалось одинаковыми темпами, и с 1969 по 1985 г. росло также одинаковыми темпами, получается около 7,6 млн аборт (без Косово – около 7,4 млн [рассчитано по: Rasević 2004]) за эти годы, что превышает не только все военные потери в XX в., но и все нынешнее население Сербии. Это лишь примерная цифра; реальное количество аборт за это время, вероятно, могло быть

больше или меньше на нескольких сотен тысяч, но все равно она помогает понять весь колоссальный масштаб проблемы. Аборты в современной Сербии представляют собой колоссальный ресурс для решения острейшей демографической проблемы, и необходимо срочно его использовать. Ведь ситуация настолько тяжела, что через несколько десятилетий сербам угрожает фактическое вымирание. Поэтому, чтобы хотя бы замедлить темпы исчезновения сербского народа, представляется необходимым принять крайние меры и запретить аборт в Сербии, а также в Черногории и Республике Сербской, за исключением некоторых строго оговоренных случаев, таких как, например, изнасилование или угроза жизни и здоровью женщины.

Такой запрет не является чем-то архаичным. Он действует в Польше, одной из крупнейших стран Восточной Европы. В одной из самых развитых стран мира – Ирландии – еще более строгое законодательство: там можно сделать аборт только при угрозе жизни женщины. В Чили – развитой латиноамериканской стране – аборт сделать нельзя ни при каких обстоятельствах. А вот право женщины на аборт по собственному желанию, действующее в Сербии, существует всего в трети стран мира (Сакевич 2016). Здесь надо осознавать резкое отличие современной ситуации от ситуации до легализации аборта: тогда в Сербии был очень высокий уровень нелегальных абортов из-за отсутствия средств контрацепции, а в настоящее время имеется большое количество доступных и эффективных техник и практик планирования семьи. Поэтому население массово перейдет к использованию контрацепции, а значит, вопреки распространенному мнению, не следует опасаться всплеска подпольных абортов и материнской смертности в результате запрета. Даже в Чили, где в 1989 г. произошел полный запрет абортов, материнская смертность сократилась на 69 % и сегодня ниже, чем в США, снизился и уровень госпитализации из-за аборта. Но есть другая проблема: в некоторых странах, где аборты разрешены по отдельным четко ограниченными случаям, широко распространена практика ложного сообщения о причине аборта. Например, в Эфиопии можно сделать аборт при изнасиловании, и почти все женщины указывают на него как на причину аборта, хотя в реальности абсолютное большинство обманывает врачей и хочет сделать аборт

по требованию. В Боготе, столице Колумбии, можно сделать аборт по причине психической неполноценности, и на эту причину приходится 97 % аборт, хотя большинство таких женщин на самом деле являются психически здоровыми (РИСИ 2016). Чтобы в Сербии не возникло подобной ситуации, вместе с запретом аборт необходимо ввести строгий контроль за тем, говорит ли женщина правду, когда заявляет, что хочет сделать аборт по разрешенным показаниям. Запретом в значительной степени можно смягчить две острые проблемы: во-первых, хотя бы на время сократить масштабы убыли населения, а во-вторых – резко снизить бремя бесплодия, повышенной смертности женщин репродуктивного возраста (то есть многие матери несовершеннолетних детей, которые, сделав аборт, умерли бы и оставили детей сиротами, останутся живы), других осложнений и неблагоприятных психологических последствий аборт.

Но здесь надо иметь в виду, что, исходя из опыта других стран, которые ввели подобный запрет аборт, рождаемость повышается только на определенное время, и уже через несколько лет население приспособляется к запрету и переходит к другим методам контроля рождаемости, которая снова возвращается к исходному уровню, как в случае уже упоминавшейся Польши (впрочем, Сербии не помешает даже кратковременное повышение рождаемости, ведь оно все равно приведет к рождению десятков тысяч, а может быть, и сотен тысяч человек, которые бы иначе никогда не родились). Кроме того, замена аборт контрацепцией, безусловно, положительна, но, во-первых, не решает проблему низкой рождаемости, а, во-вторых, очень многие контрацептивные средства, даже самые современные, наносят хоть и меньший, чем аборт, но все-таки ощутимый вред здоровью женщин. Поэтому нужно прежде всего работать над повышением потребности в детях (Белобородов 2011). Чтобы выйти на минимум, необходимый для воспроизводства населения (2,1 ребенка на женщину), в каждом браке должно быть в среднем 2,5 ребенка, или, другими словами, у 50 % женщин к концу репродуктивного периода должно быть 3 и больше детей (Синельников 2015). Титанический масштаб задачи по повышению рождаемости и прекращению вымирания Сербии становится ясен, если знать, что реально в Сербии всего 15 % женщин 40–49 лет по

переписи 2011 г. родили 3 и более детей (Републички... 2013), то есть в 3 раза меньше минимально необходимого уровня.

Нынешняя сербская власть не имеет представления о том, насколько остра в стране проблема абортот. Правящие партии – Сербская прогрессивная партия и Социалистическая партия Сербии – высказались против какого-либо ограничения абортот, и только представитель оппозиционной партии «Двери» выступил за их серьезное ограничение (Билбија 2013).

Вообще «Двери» совершенно справедливо признают демографическую катастрофу важнейшей проблемой в Сербии XXI в., вокруг которой и выстраивают свою политику, предлагая пути ее решения. Вот некоторые важные меры: создание Министерства семьи и Национального совета по демографической политике; принятие Национальной стратегии демографического развития; выплата 10 тыс. евро и предоставление пригодной к обработке земли для семей, которые хотели бы переселиться в сельскую местность; в том числе помощь многодетным семьям в виде бесплатной выдачи земли и постройки дома; выплата пенсии безработным матерям, родившим трех и более детей и предоставление материнству статуса профессии; введение гибкого графика для многодетных матерей; кампания в СМИ по ознакомлению населения с важностью семьи и семейного образа жизни, опасными последствиями абортот; повышение пособий на детей (Двери 2016). Данная программа представляется весьма качественной, она способна если не остановить, то по крайней мере заметно ослабить убыль населения в долгосрочной перспективе. В программу можно добавить меры по развитию системы детских садов и яслей, в том числе для детей младше трех лет, что оказалось мощным фактором для роста рождаемости в Северо-Западной Европе, поскольку облегчает совмещение родительства и карьеры, а также гарантирует выделение отдельной экономической помощи бедным семьям с детьми (Архангельский и др. 2014). Помимо собственно демографической программы существуют и другие интересные программные пункты. Так, партия считает, что в настоящее время интеграция с ЕС приносит Сербии гораздо больше вреда, и этот процесс целесообразно приостановить, в то же время активно развивая политические и экономические отношения с Россией и быстроразвивающимися

странами БРИКС. Среди других программных пунктов – создание сильной армии, прекращение чрезмерного роста больших городов, который случается за счет опустения сельских и приграничных областей, особое внимание к социально-экономическому развитию сербских деревень и политика сохранения национальной идентичности и предотвращения ассимиляции многомиллионной сербской диаспоры, а также возвращения сербов, желающих вернуться на Балканы (Нова... 2011), введение прогрессивного налога для снижения очень высокого экономического неравенства (Србин.инфо 2015).

Для решения проблемы крайне низкой рождаемости представляется необходимым применить демографическую программу партии «Двери» с некоторыми изменениями, особенно акцентируя внимание на воспитании подрастающего поколения в русле желательных демографических установок. Но есть ли у этой партии шансы прийти к власти? На выборах в апреле 2016 г. «Дверям» удалось пройти в парламент, однако они (в коалиции) набрали всего 5 % голосов, поэтому влиять на политику в стране не могут (B92 2016). «Двери» – новая партия, и она недостаточно хорошо известна гражданам Сербии. Но в настоящее время абсолютное большинство (62 %) жителей разочаровалось в политике, не верит политикам и не следит за политическими партиями (Mondo 2013). Поэтому шансов серьезно увеличить количество сторонников у «Дверей» в настоящее время немного.

Впрочем, осознание серьезности демографических проблем возникает и во власти. Член Социалистической партии Славица Джукич-Деянович получила пост министра без портфеля, отвечающего за демографию и демографическую политику. По ее словам, скоро будет основан и Демографический совет, который займется выработкой мер по повышению количества детей (Tanjug 2016). Хочется надеяться, что Советом будут вскоре действительно приняты определенные реальные меры, которые могли бы улучшить ситуацию. Но нужно иметь в виду, что сама С. Джукич-Деянович выступает против какого-либо ограничения аборт, считая аборт неотъемлемым правом женщин (Blic 2013), тем самым убирая из демографической политики один из самых важных инструментов в условиях Сербии. Выше уже говорилось, что власти продолжают

быстрое сближение с ЕС, не считаясь с экономической ситуацией, что приносит Сербии только убытки, а это обстоятельство в том числе сокращает потенциальные средства, которые могли быть направлены на демографическую политику. Поэтому демографические меры будут, скорее всего, весьма ограничены и недостаточны именно из-за нехватки средств. Значит, в ближайшие годы, пока у власти находятся люди, у которых нет решимости использовать все возможности для борьбы с депопуляцией, будут приняты только отдельные стимулирующие рождаемость меры, но крайне необходимая всеохватывающая демографическая политика в Сербии может так и не появиться. Впрочем, в случае оказания действительно серьезной международной помощи можно надеяться на определенную эффективность демографических программ даже при сохранении курса на вступление в ЕС. Но все равно без запрета абортот эти программы будут неполными.

Перед введением демографической политики необходимо провести исследование уровня потребности в детях в Сербии (желаемого количества детей). Если он упал ниже простого воспроизводства, то задача поднять рождаемость окажется очень сложной. А вот в Республике Сербской уровень потребности в детях заметно выше простого воспроизводства и в несколько раз выше реального суммарного коэффициента рождаемости. Поэтому там применение мер, стимулирующих рождаемость, могло бы значительно повысить ее уровень. Кстати, правительство РС, по крайней мере на словах, осознает всю опасность убыли населения и обещает сделать демографическую политику одним из важнейших направлений деятельности, даже несмотря на экономические проблемы, и ввести определенные меры по повышению рождаемости, прислушиваясь к рекомендациям Совета по демографической политике (Влада... 2014). Учитывая крайне тяжелую экономическую ситуацию РС, в ее случае международная помощь для финансирования таких мер нужна особенно остро.

Пока же требуется повышать уровень информированности населения, распространять среди сербов и черногорцев, прежде всего через местные СМИ, информацию о важности здорового образа жизни, о крайне негативных демографических процессах, их причинах, о вреде аборта, о необходимости голосовать за партии и движения с адекватной демографической программой. За это дело

могут взяться также общественные организации. Очень важно, чтобы население осознало факт, что живет в исключительно взрывоопасном регионе, где постоянно происходят войны, а значит, у брачных пар, родивших только одного ребенка, есть очень большой риск его потерять в ходе военных действий, так что родители будут жить после своих детей. Поэтому проблема низкой рождаемости встанет особенно остро на уровне множества семей, что, очевидно, уже произошло в результате войн 1990-х гг.

Существенную роль для уровня рождаемости играет религиозность. Например, по исследованию в России, высокорелигиозные христиане имеют заметно большее ожидаемое количество детей, чем не очень религиозные, а также атеисты. Похожая ситуация наблюдается и во многих странах Европы (Архангельский и др. 2014). В Сербии в 2010 г. 77,9 % жителей религиозны, а активных верующих – 44,2 % (Blagojević 2012). Однако очень высокий уровень абортот и крайне низкая рождаемость в целом по стране свидетельствует об очень слабом влиянии религии на демографическое поведение даже активно религиозных людей. Поэтому здесь должны активизироваться Сербская православная церковь, а также католическая церковь (недостаточно высокая рождаемость в Сербии именно у традиционно православных и католических народов), чтобы донести до верующих информацию о важности вести себя так, как предписывает их собственная религия, в семейно-демографической сфере. В том числе можно предоставлять здания, чтобы религиозные организации могли организовывать воскресные школы, группы молодежи, дома матери и ребенка; оказывать помощь сайтам и СМИ традиционных религий, прежде всего связанных с демографией и семьей, и предоставить им возможность выступать в СМИ; создавать общественные центры для помощи семьям и беременным женщинам, в которых участвовали бы религиозные организации (Архангельский и др. 2014). Сербская интеллигенция должна постоянно напоминать обществу о существующих демографических проблемах и методах их решения. Если все это осуществится и если к власти в сербских странах и территориях придут партии, понимающие ключевую важность демографических процессов для выживания и благополучия нации (при этом хорошо бы оказать сербам и значительную международную помощь в решении демографических проблем), у сербского народа есть шанс не

только избежать исчезновения с карты мира, но и добиться значительного роста населения и стать одним из наиболее процветающих и экономически успешных народов Европы.

Библиография

- Акаев А. А., Пантин В. И. 2011.** Финансово-экономические кризисы и геополитические сдвиги: анализ и прогноз. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 68–108.
- Анзель Д. А. 2014.** Влияние межэтнических конфликтов конца XX – начала XXI века на рождаемость и отношение к рождаемости в Сербии и Черногории. *Журнал гуманитарных наук* 8: 102–114.
- Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Дж., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. 2014.** *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии*. М.: Ин-т научно-общественной экспертизы.
- Белобородов И. И. 2011.** Аборты в России: история, последствия, альтернативы. *Demographia.net*. URL: <http://demographia.net/aborty-v-rossii-istoriya-posledstviya-alternativy>.
- Билбија Б. 2013.** Политичари против забране абортуса. *Политика*. URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/259988/Politricari-protiv-zabrane-abortusa>.
- Болчич С. 2005.** Миграция рабочей силы и «утечка мозгов» из Сербии в 90-е годы. *Сербия о себе* / Ред. О. Эдельман. М.: Европа. С. 399–410.
- Вечерње Новости. 2016.** Srba na planeti ima oko 11 miliona: Evo kako smo raspoređeni po zemljama! *Вечерње Новости* 01.02. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/planeta.301.html:588860-Srba-na-planeti-ima-oko-11-miliona-Evo-kako-smo-rasporedjeni-po-zemljama>.
- Влада Републике Српске. 2014.** *Програм рада Владе Републике Српске у мандатном периоду 2014–2018 год*. Бања Лука.
- Врућинић Д. 2007.** *Демографски губици Србије проузроковани ратовима у XX веку*. Београд.
- Гаврилов С. В. 2009.** Математическая звезда Югославии и ее немеркнущий свет. *Сайт памяти Сани Миленкович* 13 августа. URL: <http://milenkovic.ru/index/0-5>.

- Гуськова Е. Ю. 2000.** *История югославского кризиса (1990–2000)*. Серия «Россия и мир: итоги XX века». М.: Русское право/Русский Национальный Фонд.
- Гуськова Е. Ю. 2011.** *Третья Югославия и косовский вопрос. Югославия в XX веке: Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик. С. 839–864.
- Двери. 2016.** Породица на првом месту. *Двери*. URL: <https://dveri.rs/program/porodica-na-prvom-mestu>.
- Ђорђевић Ж. 1999.** Геноцид над Србима. *Српско наслеђе. Историјске свеске*: 15, 16, 17. Ратно издање.
- Завод за статистику Републике Црне Горе. 2004.** *Попис становништва, домаћинства и станова у 2003. Вјероисповјест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу*. Подгорица: Побједа.
- Завод за статистику Републике Црне Горе. 2005а.** *Попис становништва, домаћинства и станова у 2003. Женско становништво старо 15 и више година*. Подгорица: Побједа.
- Завод за статистику Републике Црне Горе. 2005б.** *Попис становништва, домаћинства и станова у 2003. Упоредни преглед броја становника 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991 и 2003*. Подгорица: Побједа.
- Заяц Д. В., Кошелева А. О. 2010.** Република Србска. *Српска.ру* 9.01. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=206>.
- Институт за јавно здравље Србије «Др Милан Јовановић Батут». 2014.** *Резултати истраживања здравља становништва Србије. 2013 година*. Београд: Службени гласник.
- Јевтовић Г. 2015.** Под окупацијом и у власти НАТО (ЕУ) – како смо „реформисали“ и „модернизовали“ систем одбране и војску (5). Министровање Бориса Тадића. *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/pod-okupacijom-i-u-vlasti-nato-eu-kako-smo-reformisali-i-modernizovali-sistem-odbrane-i-vojsku-5-ministrovanje-borisa-tadica/>.
- Корогаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига.
- Корогаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: URSS.

- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* М.: URSS.
- Макроекономија. 2013.** Etničke promene u Srbiji između popisa 2002–2011, 8. Стпogорси. *Макроекономија* 06.01. URL: <http://www.makroekonomija.org/demografija/etnicke-promene-u-srbiji-između-popisa-2002-2011-8-crnogorci/>.
- Маринковић Д., Маријанац З., Бабић Н., Шијаковић И., Пашалић С., Сибинчић С., Живковић М., Вуковић Ј., Маркез Ђ., Липовац Н., Тривић Г., Касаповић М. 2008.** *Анализа демографске ситуације и спровођења пронаталитетних мјера и активности у Републици Српској.* Бања Лука.
- Мијалковски М. 2016.** Шокантно: поново претконфликтно стање на Балкану (2). *Фонд стратешке културе.* URL: <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/politika/sokantno-ponovo-pretkonfliktno-stanje-na-balkanu-2/>.
- Мировић Д. 2014.** Шта је ЕУ донела Црној Гори? *Нова српска политичка мисао* 19.08. URL: <http://www.nspm.rs/ekonomska-politika/sta-je-eu-donela-cрној-gori.html>.
- Мировић Д. 2015.** Економско (само)убиство или шта је ЕУ донела Србији. *Нови стандард.* URL: <http://www.standard.rs/zeljko-cvijanovic-prerogusije/30829-дејан-мировић-економско-само-убиство-или-шта-је-еу-донела-србији>.
- Михайлов В. 2014.** Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности. *Перспективы* 21.02. URL: www.perspektivy.info/rus/balkany_kak_prostranstvo_problemnoj_nadnacionalnoj_identichnosti_2014-02-21.htm.
- Нова српска политичка мисао. 2011.** Покрет за живот Србије. *Нова српска политичка мисао* 18.03. URL: <http://www.nspm.rs/politicki-zivot/pokret-za-zivot-srbije.html>.
- Омладина Лиге социјалдемократа Војводине 2016.** Подаци и чињенице о Војводини. *Омладина Лиге социјалдемократа Војводине.* URL: <http://www.lsvo.rs/vesti/arhiva/3171>.
- Пенев Г. 2004.** Основне карактеристике становништва Србије по националности. *Демографски преглед* 18: 1–4.
- Принцип. 2016.** Николић: Русофил сам али Европска Унија је циљ који нема алтернативу. *Принцип* 28.06. URL: <http://www.princip.me/nikolic-rusofil-sam-ali-evropska-unija-je-cilj-koji-nema-alternativu/28/06/2016/>.
- Рашевић М. 2007.** Србија: транзиција од абортуса ка контрацепцији или не? *Geographical institute "Jovan Cvijic"* 57: 127–133.

- Републички завод за статистику. 2003.** *Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво.* Књига 3. Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2004.** *Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво.* Књига 9. Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2012а.** *Природно кретање становништва у Републици Србији 1961–2010.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2012б.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Становништво. Старост и пол.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2012в.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Становништво. Вероисповест, матерњи језик и национална припадност.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2013.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Становништво. Фертилитет женског становништва.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2014а.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етноконфесионални и језички мозаик Србије.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2014б.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Становништво. Упоредни преглед броја становника 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991, 2002 и 2011.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2014в.** *Анкета о потрошњи домаћинства, 2013.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2015а.** *Популација Србије почетком 21 века.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2015б.** *Демографска статистика у Републици Србији, 2014.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2015в.** *Витални догађаји у Републици Србији, 2015.* Београд: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику. 2016.** *Витални догађаји у Републици Србији, 2016.* Београд: Републички завод за статистику.

- Републички завод за статистику Републике Српске. 2002.** *Демографска статистика. Статистички билтен 5.* Бања Лука: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику Републике Српске. 2007.** *Демографска статистика. Статистички билтен 10.* Бања Лука: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику Републике Српске. 2011.** *Демографска статистика. Статистички билтен 14.* Бања Лука: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику Републике Српске. 2015.** *Демографска статистика. Статистички билтен 18.* Бања Лука: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику Републике Српске. 2016.** *Демографска статистика. Статистички билтен 19.* Бања Лука: Републички завод за статистику.
- Републички завод за статистику Србије. 2003.** *Статистички годишњак Србије.* Београд: Републички завод за статистику Србије.
- РИА Новости. 2009.** Операција НАТО против Југославије (март – април 1999 године). Справка. *РИА Новости* 24 марта. URL: <http://ria.ru/politics/20090324/165834722.html>.
- РИСИ = Росийски институт стратeгических истраживања. 2016.** Легализација абортa в Чили може имати тешке последице. *РИСИ*. URL: <http://riss.ru/demography/demography-news/30324/>.
- Росийска газета. 2014.** Маткапитал повећао рађајност друге деце на 40 процената. *Росийска газета* 11 септембра. URL: <https://rg.ru/2014/09/11/reg-cfo/rozhdmost-anons.html>.
- Савићевић В. 2013.** Укидање војске Републике Српске и придруживање НАТО. *Спутник*. URL: https://rs.sputniknews.com/serbian.ruvr.ru/2013_12_29/Ukidanje-vojske-Republike-Srpske-i-pridruzivanje-NATO/.
- Сакевич В. 2016.** Право на аборт у земљама света. *Демоскоп* 687–688. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema02.php>.
- Синельников А. Б. 2015.** *Кризис брачно-семејних и међпокољеничких одношења и приоритетне правце демографске политике у Русији*: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.
- СНСД = Савез независних социјалдемократа. 2016.** Циљ Српске – Европска Унија. *СНСД*. URL: <http://www.snsd.org/index.php/aktuelno-sp-2091289941/1766-2016-05-12-21-50-00>.

- Србин.инфо. 2015.** Двери предлажу: Економски патриотизам. *Србин.инфо* 17.02. URL: <http://srbin.info/2015/02/17/dveri-predlazu-ekonomski-patriotizam/>.
- Судо М. 2000.** Экологические и социальные последствия силового решения югославского конфликта. *Россия в окружающем мире: 2000 (Аналитический ежегодник)* / Отв. ред. Н. Н. Марфенин. М.: МНЭПУ. С. 76–96.
- Толстой Н. И. 2002.** Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз. *Вопросы языкознания* 1: 81–90.
- Филимонова А. 2013.** Крутое пике сербской экономики. *Фонд стратегической культуры*. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/01/29/krutoe-pike-serbskoj-ekonomiki-18886.html>.
- Щербакова Е. 2013.** Ежегодно в мире от рака умирает почти 8 миллионов человек (13 % от общего числа умерших), 30 % этих смертей можно было бы предотвратить. *Демоскоп* 577–578. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0577/barom01.php>.
- Эдельман Д. И. 1980.** К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности. *Теоретические основы классификации языков мира* / Ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука. С. 127–147.
- Agencija za statistiku Bosne i Hercegovine. 2016.** *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini, 2013. Rezultati popisa*. Sarajevo: Agencija za statistiku Bosne i Hercegovine.
- Ananijević-Pandey J. 1994.** Permaturne Mortality in Former Yugoslavia. *European Journal of Epidemiology* 10/3: 339–341.
- Aničić S., Stanić M. 2016.** Poražavajuća statistika u Srbiji. Na jedno rođeno dete dva abortusa. *Blic* 23.08. URL: <http://www.blic.rs/vesti/drustvo/porazavajuca-statistika-u-srbiji-na-jedno-rodjeno-dete-dva-abortusa/f3jyzzr4>.
- B92. 2016.** RIK stavio tačku: Ovo su konačni rezultati izbora. *B92* 6.05. URL: http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2016&mm=05&dd=06&nav_id=1128062.
- Bašić Hrvatinić S., Thompson M., Antonić F., Sayes F., Grammens D., Van Damme E., Jusić T., Džihana A., Šopar V., Skopljanac N. 2008.** *Divided They Fall: Public Service Broadcasting in Multiethnic States*. Sarajevo: Mediacentar.
- Blagojević M. 2012.** Religijsko-konfesionalna identifikacija i vera u Boga građana Srbije. *Filozofija i društvo* 23: 40–52.

- Blic. 2013.** Đukić Dejanović odgovara Crkvi: Abortus je korektno regulisan zakonom. *Blic* 06.06. URL: <http://www.blic.rs/vesti/drustvo/djukic-dejanovic-odgovara-crkvi-abortus-je-korektno-regulisan-zakonom/qf1bh8p>.
- Borović R. 2009.** Cvetković: to je bio zločin nad našim narodom. *Radio Slobodna Evropa* 24.03. URL: <http://www.slobodnaevropa.org/a/1515672.html>.
- Cafe del Montenegro. 2016.** Montenegro – the country that smokes the most cigarettes. *Cafe del Montenegro*. URL: <http://www.cdm.me/english/montenegro-the-country-that-smokes-the-most-cigarettes>.
- CIA = Central Intelligence Agency. 2016.** *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bk.html>.
- Demographic Research Center. 1974.** *The Population of Yugoslavia*. Belgrade.
- Elliot Institute. 2012.** Abortion Increase Risk of Maternal Death: New Study. *Elliot Institute*. URL: <http://afterabortion.org/2012/multiple-abortions-increase-risk-of-maternal-death-new-study/>.
- Eurasia Daily. 2016.** «Братъев предавать нельзя»: Россия должна бороться за Сербию. *Eurasia Daily* 27.07. URL: easaily.com/ru/news/2016/07/27/bratev-predavati-nelzya-rossiya-dolzha-borotsya-za-serbiyu.
- Helsinki odbor za ljudska prava. 2004.** *Izbeglice – žrtve etničkog inženjeringa*. Beograd: Zagorac.
- IRBIS. 2014.** Baza podataka o ekonomskim indikatorima RS. *IRBIS*. URL: <http://www.irbrs.net/statistika/UporedniPrikaz.aspx?tab=3&lang=lat>.
- Jakovljević B., Stojanov V., Paunović K., Milić N. 2004.** Alcohol Consumption and Mortality in Serbia: Twenty-year Follow-up Study. *Croatian Medical Journal* 45(6): 764–768.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Kupiszewski M., Kupiszewska D., Nikitović V. 2012.** *Uticaj demografskih i migracionih tokova na Srbiju*. Beograd: Dosije Studio.
- Mondo 2013.** Većina Srba ne veruje političarima. *Mondo*. URL: <http://mondo.rs/a575767/Info/Srbija/Vecina-Srba-ne-veruje-politicarima.html>.
- Mondo 2016a.** Demograf: Demistifikovano 196.000 nerezidenata. *Mondo*. URL: <http://mondo.ba/a668575/Info/BiH/Demograf-Demistifikovano-196.000-nerezidenata.html>.
- Mondo 2016b.** Srpsko zdravstvo na 30. mestu u Evropi. *Mondo*. URL: <http://mondo.rs/a876680/Info/Drustvo/Zdravstvo-Srbije-na-30.-mestu-u-Evropi.html>.

- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2011a.** *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine. Stanovništvo Crne Gore prema polu, tipu naselja, nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti, vjeroispovijesti i maternjem jeziku po opštinama u Crnoj Gori.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2011b.** *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine. Stanovništvo prema starosti, polu i tipu naselja po opštinama, kao i najčešća imena u Crnoj Gori.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2012a.** *Uporedni pregled broja stanovnika po polu i starosti prema opštinama, Popis 2003. i 2011. godine.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2012b.** *Žensko stanovništvo i broj živorođene djece u Crnoj Gori Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2014.** *Projekcije stanovništva Crne Gore do 2060. godine sa strukturnom analizom stanovništva Crne Gore.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2015a.** *Procjene stanovništva i demografski indikatori, 2014. godina.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2015b.** *Statistički godišnjak Crne Gore – 2015.* Podgorica: MONSTAT.
- MONSTAT = Zavod za statistiku Crne Gore. 2016.** *Procijenjeni broj stanovnika sredinom godine, po opštinama.* URL: <http://www.monstat.org/cg/page.php?id=273&pageid=48>.
- News Front = Новостной Фронт. 2016.** Предотвратить вступление Черногории в НАТО может лишь оппозиция. *News Front* 16 октября. URL: <http://news-front.info/2016/10/16/predotvratit-vstuplenie-chernogorii-v-na-to-mozhet-lish-oppoziciya/>.
- Nova srpska politička misao. 2011.** Popis u Crnoj Gori: Rezultati po opštinama. *Nova srpska politička misao* 15.07. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/popis-u-crnoj-gori-rezultati-po-opstinama.html?alphabet=l>.
- Okuka M. 2008.** *Srpski dijalekti.* Zagreb: SKD Prosvjeta.
- Penev G. 2001.** Zamena generacija u Srbiji u periodu 1950–2000. *Stanovništvo* 39(1–4): 45–71.

- Penev G. 2009.** *Demografski trendovi u Crnoj Gori od sredine 20. vijeka i perspektive do 2050. godine.* Podgorica: MONSTAT.
- Penev G., Predojević-Despić J. 2012.** Prostorni aspekti emigracije iz Srbije. Tri "vruće" emigracione zone. *Stanovništvo* 60(2): 35–64.
- Popović J., Balac S. 2011.** Dijalektizmi i regionalizmi. *Клуб љубитеља језика* 29.11. URL: <https://pricamtipricu.wordpress.com/2011/11/29/dijalektizmi-i-regionalizmi-jelena-popovic-i-sofija-balac/>.
- Radivojević B., Penev G. 2014.** Demographic Losses in Serbia in the First World War and their Long-Term Consequences. *Economic Annals* 59(203): 29–54.
- Rasevic M. 2004.** The Question of Abortion in Serbia. *Espace, Populations, Sociétés* 3: 681–693.
- Rašević M. 2008.** Da li je evidentirani broj abortusa u Srbiji realan? *Stanovništvo* 46(2): 7–21.
- Rašević M., Sedlecki K. 2011.** Pitanje postojanja abortusne kulture u Srbiji. *Stanovništvo* 49(1): 1–13.
- Savezni zavod za statistiku. 1991.** *Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije.* Knjiga I. *Podaci po naseljima i opštinama.* Beograd: Savezni zavod za statistiku.
- Savezni zavod za statistiku. 1998.** *Popis 1991.* Beograd: Savezni zavod za statistiku.
- Singh S., Wulf D., Hussain R., Bankole A., Sedgh G. 2009.** *Abortion Worldwide: A Decade of Uneven Progress.* New York: Guttmacher Institute.
- Spasovski M., Živković D., Stepić M. 1995.** The Ethnic Structure of the Population in Bosnia and Herzegovina. *The Serbian Questions in the Balkans* / Ed. by D. Hadži-Jovančić. Belgrade: Faculty of Geography.
- Statistical Office of Kosova. 2011.** *Demographic, Social and Reproductive Health Survey in Kosovo, November 2009.* Prishtina.
- Stevanović R. 2005.** Izbeglištvo i demografski rast stanovništva Srbije. *Stanovništvo* 43(1–4): 43–60.
- Štrbac S. 2014.** Srpske žrtve rata i poraća na području Hrvatske i bivše RSK 1990. – 1998. godine. *Dokumentaciono informacioni centar Veritas* 20.02. URL: <http://www.veritas.org.rs/srpske-zrtve-rata-i-poraca-na-podrucju-hrvatske-i-bivse-rsk-1990-1998-godine/#fn-9071-6>.
- Tanjug. 2016.** Uskoro nove mere podsticanja rađanja. *Tanjug* 14.11. URL: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?izb=285036>.

-
- Zwierzchowski J., Tabeau E. 2010.** *The 1992–95 War in Bosnia and Hercegovina: Census-Based Multiple System Estimation of Casualties' Undercount.* Berlin.
- UN Population Division. 2016.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database.* URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/index.shtml>.
- World Bank. 2016.** *World Development Indicators Online.* Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- Zerjavic V. 1992.** *Yugoslavia – Manipulations with the Number of Second World War Victims.* Zagreb: Hrvatska Tiskara.